

ЮРИЙ НИКИТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОМАСА

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Возвращение Томаса

«ЭКСМО»

2006

Никитин Ю. А.

Возвращение Томаса / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2006 — (Трое из леса)

Король ушел, к огорчению одних и ликованию других. На земле для него нет достойных противников, потому с огненным мечом в руке прошел ад, рай и чистилище, пронесся по загробным мирам викингов и Полям Великой Охоты, отыскал то, что хотел, и победно вернулся. О судьбе короля шли разные слухи. Но вот когда уже никто не ждал, он возвращается во всем блеске и могуществе. Но как встречает его королевство? И как поступит сам король, увидевший, кто чего стоит на самом деле?

© Никитин Ю. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Предисловие	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	60
Глава 14	65
Глава 15	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юрий НИКИТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОМАСА

Предисловие

Любители non-stop экшена скажут с разочарованием, что Никитин ударился в религию и закатил зануднейшую проповедь о Добре и Зле. Ишь, даже Олег, на что уж упертый язычник, и тот о христианских ценностях! Нет чтобы автору забавать отпадный роман о вампирах, оборотнях, некромантах, ведьмах. Революционно подоказывать, как и стадо других продвинутых, что нет Добра и Зла, что такие понятия – фигня, все относительно, вампиры могут быть добрыми и замечательными, ну как уже стали добрыми и замечательными киллеры, проститутки, наркоманы, воры, насильники, извращенцы и прочая вчерашняя дрянь, а сегодня – эталон для подражания.

Но нет уж, никакой читательский интерес и никакие тиражи не заставят писателя написать хоть строчку о «добрых некромантах», если он, конечно, писатель, а не... И никакие вампиры не могут быть хорошими по определению. Вообще романы о хороших вампирах, как и прочих персонажах «Стороны Зла», могут читать только те, кто разбивает лампочки и зеркала в лифте, срет в подъездах и на лестнице, расписывает стены похабщиной, разбивает бутылки возле домов. Что, этого еще не делаете? Ничего, будете. Уже первый шаг сделали, если читаете о «хороших» вампирах или о «хорошей» нечисти, о некромантах, а не отдергиваете с омерзением от таких книг руки в книжных магазинах.

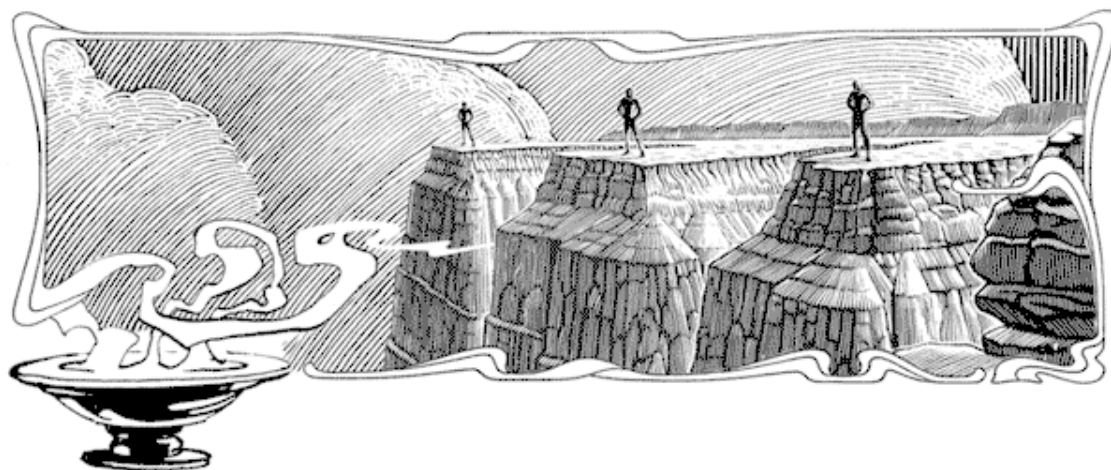
Никакая революционность не может оправдать пропаганду зла, насилия, воровства, предательства, вероломства. Всегда будут Добро и Зло, всегда. Писать, что проститутки или вампиры могут быть хорошими, – это доказывать, что можно не учиться, не ходить в школу вообще, не работать, а подворовывать, приторговывать наркотой, что можно грабить и стать богатым и уважаемым членом общества.

Да, у таких книг толпы благодарных читателей, как же – выразили тайные чаяния! Но это всего лишь рубить бабки на жадном интересе подростков к якобы «запретному», на их страсти спорить с общепринятым, опровергать авторитеты и вообще бунтовать везде и против всего.

Не интерес к христианству заставил написать эту книгу, а растущая популяризация Зла. Она заметна в обилии книг, фильмов и байм о хороших оборотнях, о хороших киллерах, о хороших мафиози, об удачливых грабителях, о замечательных наркоторговцах, которые с нуля заработали миллиарды и ничего им за это не было!!! Не противясь этому злу, вы даете ему разрастаться, но как-то забываете, что и самим придется жить в этом зле, где проституткой будет не одна шлюшка из вашего класса, а все, в том числе и ваша невеста, жена, а потом станет ею дочь, а сынок начнет приторговывать наркотиками, но подцепит СПИД и склеит лапы раньше, чем разбогатеет... если не повезет попасть за решетку.

Как человек старой школы, у которого непоколебимые нравственные принципы постоянно руководят творческим процессом, и я написал эту книгу. И хрен с теми читателями, что предпочитают о хороших вампирах, прелестях Зла, благородных некромантах и честных проститутках. У меня ни один герой НИКОГДА не станет на ту сторону. И никогда не будет поэтизировать то, что за гранью.

Никитин

Может быть, для Господа Бо-га вообще лучше, чтобы в него не верили и всеми силами боролись против смерти, не обращая взоры к небесам, где царит молчание.

КАМЮ Альбер

Часть I

Глава 1

В небе блеснуло золотыми искрами, тут же набежавшее облачко скрыло крылатую колесницу Ильи-пророка. Олег задумчиво смотрел вслед бывшему богу, а Томас перевел ликующий и в то же время растерянный взор на подаренных ему и его невесте коней. Огромные, черные, как ночь, у обоих роскошные гривы и хвосты цвета заката, земля вздрагивает от нетерпеливых ударов их копыт. Даже не осматриваются в незнакомом мире, настоящие гуннские кони. Олег огляделся, пронзительно свистнул. Послышался частый стук копыт.

Он нахмурился, расправил плечи. Нелегкая жизнь в крестовом походе и постоянные сражения не на жизнь, а на смерть нарастили мышцы на и без того хорошо развитой фигуре, а сейчас, после победного возвращения с небес, сердце бьется ликующе, во всем теле разливается некая непобедимость и несокрушимость. Не случайно еще перед этим походом самые влиятельные сеньоры королевства на воинском совете избрали его королем...

Конь, красный, как раскаленная глыба металла, звонко заржав, подбежал к Олегу. Волхв ласково потрепал его по щеке, Лилит надула губы и обиженно потрогала свою щеку.

Гуннские кони захрапели, беспокойно переступали с ноги на ногу. Лилит подошла к Олегу, Яра не отрывала радостный взгляд от своего доблестного жениха.

– Что случилось? – спросила Лилит. – Так беспокоятся...

– У меня не забалуешь, – буркнул Олег. – Чуют.

Томас прикидывал, как добираться до ближайшего села или города, где добудут еще коня, а желательно так и вовсе повозку для благородных дам, однако Олег похлопал красного коня по холке, тот замер, могучее тело волхва взметнулось в привычном прыжке. Конь чуть присел от обрушившейся тяжести, повернул голову и окинул седока огненными глазами.

– Знакомые места? – спросил Олег с высоты седла. – Томас, до твоего родового замка всего две-три плаки.

Томас переспросил озадаченно:

– Плаки?

– С десяток миль, – поправился Олег. – А плаками мерили здесь пикты. Или одксы?.. Мельтешат, мельтешат...

Его могучая длань приглашающе простерлась в сторону Лилит. Томас с завистью смотрел, как тонкие пальцы удивительной женщины скользнули в широкую, как лопата, ладонь. Волхв небрежно дернул, и черноволосая красавица, как бабочка, впорхнула на круп его коня.

– Яра, – сказал Томас с облегчением. – Позволь мне...

Он с достоинством преклонил колено, Яра, как и подобает княгине немалого княжества, царственно оперлась о широкое и сверкающее металлом плечо рыцаря, так же величаво поднялась на коня и опустила в вышитое золотом гуннское седло.

Томас поклонился, он не этот дикарь, который все же друг, вставил ногу в стремя и с достоинством благородного человека поднялся в седло оставшегося коня. Подошвы грубых солдатских сапог уперлись в хорошо подогнанные стремяна. Коленями ощущал могучего зверя, который чувствует хозяина и готов драться с ним вместе.

Конь под волхвом переступил с ноги на ногу. Олег ощутил, как к спине прижалось горячее и упругое. Тонкие быстрые пальцы пробежали по широким пластинам его твердой, как гранитная плита, груди, сместились на выпуклые мышцы живота. Над ухом прозвучал довольный смешок:

– Отшельничек, ты в самом деле из Леса. Весь как из дерева. Едем к тебе?

– Если верить твоему отражению в луже, ты мелок и грязен. Так что не всему надо верить. Томас сказал благочестиво:

– Все, что я увидел во время моих скитаний по Святой Земле, учит меня верить Творцу по поводу всего, чего я не видел.

– Все должны во что-нибудь да верить, – согласился Олег. – Я, например, верю в то, что если эта зараза за моей спиной еще раз плюнет в ухо... как не плевала? А дул кто? Кто кричал гнусным голосом, будто толстая жирная утка?.. Вообще, верить в наше время нельзя никому. Даже себе. Мне – можно.

Томас морщился, закоренелый язычник уваливает от серьезного разговора про Божьи дела, но после того, где только что побывали, самое время поговорить всерьез и доказать ему ложность языческих заблуждений.

– Отсутствие веры, – сказал он трубным голосом, – уже лишает человека души!

Олег спокойно смотрел на бегущую навстречу дорогу, на выпад рыцаря Храма проворчал в полнейшем равнодушии:

– Вера... Верить можно только в то, чего нет. Или что еще не свершилось. Например, можно верить, что если будем настегивать коней, то к вечеру приедем в замок сэра Торвальда. Может быть, он даже угостит нас ужином в честь возвращения сына с невесткой. Можно верить в то, что если свернем вон в тот лесок, то отыщем ручей с хорошей водой, разведем костер и переночуем без всякой спешки.

Яра, что прислушивалась к их дружеской перепалке, повернулась в седле и сказала с ясной улыбкой:

– Можно верить, что у нас с Томасом будет сын, что вырастет великим воином... Нет, что у нас будет много детей и что все они будут умные и красивые!

Томас посмотрел с удивлением и некоторым испугом.

– Много?

– Ну да, – ответила она уверенно. – Или ты против?

– Да вообще-то нет, – промямлил он, – просто как-то не думал об этом... особенно. Не до того как-то...

– Ты ведь король, – сказала она уверенно. – У нас будет королевский замок. И большой сад. А в саду станут играть наши дети!

Олег скалил зубы, Томас покосился в его сторону, кивнул и сказал с облегчением, словно Олег бросил ему спасательный круг:

– Да, конечно-конечно. Я в это тоже верю.

Олег снова оскалил зубы.

– Верю! Только и слышу это «верю», «верю». Это проще, чем думать. Видишь, разница в том, что в христианского Бога нужно верить, а наши боги в вере не нуждаются. Они реальны! Они ходили по земле, дрались, вступали в браки с земными женщинами, их можно было даже ранить...

Томас нахмурился, слушал с недоверием и растущим подозрением.

– И что же, – спросил с надлежащей надменностью, – это хорошо, что у вас такие боги... мелкие?

– Мелкие? – удивился Олег. – Горами трясли!

– А наш Господь, – сказал Томас благочестиво и перекрестился, – трясет даже мирозданием. Как потряхнет, звезды сыплются, как жуки с дерева! А ногой топнет – хляби небесные раззяв... развеза... разверза... словом, ливень такой лупит по твоим богам, что те под деревья прячутся, как букашки какие мелкие! А когда градом, так вообще в землю зарываются. И кто сильнее?

– Не знаю, – ответил Олег задумчиво и таким голосом, что Томас взглянул подозрительно: не дразнит ли его язычник. – Все еще не уверен.

Деревья расступились, впереди зазеленела широкая долина, виднелись домики, стадо коров, Томас вздохнул:

– Еще с десяток миль, и мы в замке!

Над ухом Олега прозвенел веселый голосок:

– Так чего же медлим?

Томас развернулся с медлительностью большой катапульти. На благородном лице неторопливо отобразилось благородное недоумение.

– Разве медлим?

– Эти кони, – прокричала Лилит так звонко, что Олег отшатнулся, – могут идти не только шагом!

Томас сдвинул плечами, железо жутко скрипнуло. Синие глаза на миг встретились с ее черными, загадочными и непроницаемыми, но он не уронил взора, только милостиво наклонил голову, жест, достойный человека, который на троне пробыл уже не один десяток лет.

– Желание такой красивой женщины закон для рыцаря!.. Сэр калика, если твой конь не отстанет... я имею в виду весомость твоего зада, женщина за твоей спиной весит не больше котенка, то можем, можем...

Коровы не повернули голов, но пастухи раскрыли рты и смотрели зачарованно. По дороге несется на огромном черном коне сверкающий доспехами рыцарь, рядом на таком же гордо скачет с прямой спиной золотоволоска из сказки, нежная и красивая. Следом мчится странный багровый конь, что за масть, на его спине двое: человек с красными, как пламя заката, волосами, в звериной шкуре, солнце блестит на обнаженных круглых, как валуны, плечах, к его спине прижалась женщина с черными распущенными волосами, по ветру трепещет черное пламя, и видно, как разлетаются черные искры.

Дорога пошла ближе к лесу, встретили группу селян, что едва волокут вязанки хвороста, у женщин еще и по лукошку с грибами. Тропка вилась вдоль леса, повторяя изгибы. Кони неслись как ветер, на поворотах седоков забрасывало то вправо, то влево, Лилит взвизгивала счастливо и крепче прижималась к могучему волхву. Ее пальцы уже не щупали его мышцы на животе, а замерли, словно наполовину погрузились в твердое тело человека из Леса, однако от тряски сползают все ниже и ниже.

Пронеслись мимо маленького озера, распутивая гусей. Чуть дальше четверо бедно одетых мужиков трясли пятого, потом швырнули оземь, начали избивать. Четверка на трех конях пронеслась мимо, но Томас с неохотой натянул повод.

Олег проехал мимо, в зеленых глазах недоумение. Томас развернул коня, вскачь помчался к схватке. Яра, чуть помедлив, последовала за женихом. Олег пожал плечами, отчего пальцы Лилит скользнули еще ниже, начали искать щелочку под широким поясом.

Томас оттеснил конем напавших, один воровато сунул руку за пазуху, на миг блеснуло лезвие, тотчас же подкованный сапог привычного ко всему рыцаря угодил наглецу в лицо. Нож вылетел и блеснул в воздухе, как выскользнувшая из рук серебристая рыбка. Несчастный рухнул навзничь, вместо лица кровавое месиво, словно лягнул не Томас, а его конь.

Остальные рисковать не стали, отбежали, что-то выкрикивают, а когда и Олег пустил коня в их сторону, поспешно убежали в лес. Яра погрозила кулаком, но четверка уже скрылась за деревьями.

Томас соскочил на землю, помог встать избитому. У того алые струйки хлещут из сломанного носа, расквашенных губ, даже выплевывает при каждом выдохе красные густые комья. Рубашка в клочьях, на коленях дыры, но явно давние, голые ступни почернели от постоянного хождения босиком, огрубели, как конские копыта.

– Что стряслось? – спросил Томас строго. – Ты кто?

– Йомен, сеньор, – ответил избитый простолюдин, голос дрожал, но глаза уже воровато бегали по сторонам, – эта мразь обвинила меня в том, что я жульничал, играя в кости!.. А теперь еще и отняли мой выигрыш.

Томас окинул его придирчивым взглядом.

– А ты играл честно?

Йомен потупился.

– Ну, временами... Но все равно выигрыш – мой! Они тоже жульничали, только я пережульничал.

Он вытер кровавые сопли, размазывая по всему лицу. Томас брезгливо поморщился:

– Яра, дай ему платок. А от меня вот тебе монета, купи новую рубаху. Еще останется и на хороший обед. И – постарайся жить честно!

Он вернулся к молча наблюдавшим Олегу и Лилит, вскинул подбородок и гордо проехал мимо. Яра виновато посмотрела на Олега, вздохнула, но догнала Томаса, ее конь пошел с его конем стремя в стремя.

Олег оглянулся на удалого мужика, таких... йоменов встречал под Киевом, Новгородом, как и по всему белу свету. Сейчас разбежится тебе жить честно! Сегодня же в корчме расскажет, какого кукукнутого эти придурки в железе поставили королем, устроит пир, напьется и, даже не подумав купить новую рубаху, снова сжульничает, снова получит по роже... а может, и не получит.

На одном из поворотов Томас, не глядя на Олега, процедил сквозь зубы:

– Чего скалишься?

– Да так, – ответил Олег чересчур честно, – я ничего.

Томас проворчал с неудовольствием:

– Эх, сэр калика, ты в самом деле «ничего». Ничего не понимаешь!.. Если бы я был не благородного происхождения, а простым мужиком... просто мужиком, даже не мужчиной, я бы проехал мимо. Мол, всяк за себя, один Бог за всех. Но благородное происхождение накладывает обязательства! Благородный отвечает за всех: семью, друзей, соседей, страну!.. Обязан вмешиваться всегда, даже если видит, что может потерять голову.

Калика сказал насмешливо:

– Так что ж хорошего в благородном происхождении? Простым мужиком быть безопаснее. И проще.

– Намного, – вздохнул Томас. – Намного.

Олег угрюмо промолчал. Не надо быть вещим, чтобы увидеть будущее рыцарства.

Глава 2

Томас радостно привстал на стремях. По зеленому полю навстречу тяжело двигается, сверкая начищенными доспехами, могучая рыцарская конница. В отряде не меньше двухсот воинов, из них полсотни на тяжелых боевых конях, остальные в доспехах полегче, но над конскими лбами развеваются плюмажи, широкие ремни блещут металлическими бляхами.

Томас вскрикнул:

– Как они узнали?.. Все равно молодцы!

– Кто это? – спросила Лилит в ухо Олега. Он отшатнулся, она тут же игриво прикусила его за мочку. – Кто эти блестящие рыцари?

– Подданные, – проворчал Олег. – Может быть, уже верноподданные... Ишь, в полном параде встречать высыпали.

– Как думаешь, хорошо быть королем?

– Не знаю, – ответил Олег сумрачно.

Лилит хихикнула над ухом.

– Так уж и не знаешь?

– Это кому как, – ответил Олег еще сумрачнее.

– То-то, – сказала она, – а то думала, что будешь отбrehиваться.

– Слишком много знаешь, – проворчал он. – Прибить тебя, что ли?

Томас начал придерживать разгорячившегося коня, а могучий рыцарский отряд, завидев приближающуюся четверку на трех могучих конях, медленно остановился. В рядах происходило движение, рыцари выравнивали строй, получилось красиво и внушительно.

Впереди на могучем коне возвышался немолодой воин с длинными седыми волосами до плеч, белыми вислыми усами. Брови тоже белые как снег, косматые. Шлем старый воин держал на локте левой руки, поводья тоже в левой. Серые глаза пристально следили за приближающейся группой Томаса.

Олег видел, как барон Огден правой рукой отдал воинское приветствие, оглянулся на ровные ряды из железа, острой стали и конских голов. Там неровно, но мощно проревело с полсотни могучих глоток что-то непонятное Олегу, но Томас гордо расправил плечи и орлом поглядел по сторонам, краем глаза замечая зардевшиеся от удовольствия щеки Яры.

Олегу почудилось некоторое напряжение в бароне Огдене. Впрочем, если барон и чувствовал неловкость, то где-то очень глубоко, на уровне голенищ, а так его взор был чист и ясен. Выпрямившись, он смотрит прямо, рука на рукояти короткого меча, а когда заговорил, даже кони перестали обнюхиваться, повернулись и уставились внимательными карими глазами.

– Доблестный сэр Томас Мальтон... – произнес барон Огден сильным, звучным, настоящим баронским голосом. – Мы видим, что ты свершил то, что казалось невозможным! Да-да, невозможным... Мы все помним, на твою свадьбу явился рыцарь... тихо там, в задних рядах! Это был рыцарь, никто его не лишил рыцарского достоинства. Обгорелость – не повод, а что из ада... гм... многие из нас там побывали.

Томас приосанился, грудь его раздалась, как у бойцовского пса, что один на один валит быков. Лиловые глаза украдкой поглядывали на Яру, все ли слышит, мужественное лицо воспламенилось от жаркой похвалы.

– Да что там, – сказал он скромно, но тоже сильным звучным голосом, как и подобает королю, который в состоянии сам водить войска на битвы, – кто на моем месте не пошел бы хоть в ад, хоть... еще дальше ради такой женщины!

Прямая спина Яры прогнулась, а грудь выпятилась, едва не прорывая тонкую ткань. Синие глаза засияли как звезды, она выглядела не меньше королевой, чем сам Томас.

Барон Огден откашлялся, голос его прогремел еще мощнее:

– Сэр Томас! За твое отсутствие произошли некоторые изменения. Но прежде, чем указать на них, я должен представить тебе этих баронов, что пользуются уважением за их достоинства, их честь и отвагу. И никто не усомнится в их верности Британии.

Томас с непониманием оглядел рыцарей.

– Я признаю их неоспоримые достоинства, – проговорил он настороженно, – но что означает эта... очень уж внезапная встреча?

Барон с достоинством поклонился.

– Как я уже сказал, это цвет рыцарства Британии. И самые влиятельные и владетельные сеньоры королевства. Вчера на срочном военном собрании было решено, сэр Томас, что наша страна, раздираемая междоусобицами, нуждается в короле, который не покидает ее земли...

Томас задержал дыхание. Бледное изнуренное лицо медленно наливалось краской гнева. Ноздри начали раздуваться, глаза холодно блеснули, а ладонь потянулась к рукояти меча.

Из рядов выдвинулся коренастый воин, еще старше барона Огдена, весь белый как лунь, старый и уважаемый всем рыцарством сэр Гильдебург, поспешно вскинул руку:

– Сэр Томас! Мы все чтим твои подвиги, и я от всего рыцарства могу заверить, что наша земля не порождает более достойного рыцаря, чем сэр Томас Мальтон из Гисленда!

Рыцари переднего ряда угрюмым ревом подтвердили его слова, а дальше рев прокатился в глубину отряда. Ободренный сэр Гильдебург продолжил сильным, но уже по-старчески скрипучим голосом:

– Но, сэр Томас, признай, что лучший из рыцарей не всегда бывает лучшим королем. В то время, когда стране как никогда нужна крепкая рука, ты покинул близкий трон и корону, отправился на поиски своей пропавшей женщины!.. Пусть даже очень благородного происхождения, хотя есть тут такие, что сомневаются.

Томас вскипел:

– Сомневаются?

Сэр Гильдебург поспешно воскликнул:

– Сэр Томас, сэр Томас! По старым добрым английским понятиям, благородная дама должна сидеть в башне и сопеть в тряпочку, как вы однажды изволили высказаться, а не вскакивать в седло скачущего коня и размахивать саблей... Она же – настоящая валькирия, вы – герой, а если учесть, при каких обстоятельствах ее... гм... похитили, то можно себе представить, откуда вы только что явились!

– И где побывали! – выкрикнул кто-то, теряя рыцарское достоинство.

– И с кем яшались, – добавил другой противным, совсем не рыцарским голосом, но от грозного взора Томаса укрылся за чужими спинами.

Калика ожидал, что благочестивый рыцарь гордо сообщит, с кем еще сегодня утром за одним столом сидел и жрал в три горла, но Томас, уже весь на земле, прорывал:

– Но я вернулся! И женщина моя со мной. Кто из вас сумел бы вырвать ее из рук... из лап... я даже не решаюсь сказать, из чьих непростых дланей!

Барон Огден чуть подал коня назад, лицо Томаса полыхает гневом, потом стало белым от ярости, сказал торопливо:

– Бросивший трон единожды... кто тебе поверит, что не бросишь снова?

Из переднего ряда рыцарей крикнули:

– Стране нужен король надежный!

Томас скрипнул зубами. Внезапно взгляд упал на сэра калику. Тот сидит на коне спокойный, чуточку грустный. И в кипящей бешенством памяти внезапно всплыли слова калики, что тот просмотрел всех королей Британии на сто лет вперед, но ни в одной ветви будущего короля Томаса Мальтона не отыскал. Тогда он понял слова калики так, что его убьют раньше, чем наденет корону на голову, но теперь, возможно, предсказание можно толковать иначе...

– И что же? – спросил он холодно. – Вы решили не допустить меня в мое королевство?

Среди рыцарей раздавался шум. Сэр Огден поклонился, но ладонь его не уходила далеко от рукояти меча.

– Доблестный сэр Томас!.. Позволь, я объясню. На военном совете рыцарей за время твоего отсутствия... по благородным мотивам, никто не сомневается... молчать там в задних рядах!.. Никто не посмеется усомниться вслух... так вот, благородный сэр Томас... э-э... на военном совете была выдвинута кандидатура сэра Генриха!

Он тянул и мямлил, в глаза не смотрел, но последние слова выпалил скороговоркой, вздохнул с облегчением и прямо посмотрел на Томаса честными глазами старого рыцаря, знающего законы и воинские обычаи.

За спиной Томаса тихонько ахнула Яра, слышно, как ругнулся калика на своем непонятном языке. К барону с другой стороны от Гильдербурга наклонился хмурый немолодой рыцарь, что-то шептал на ухо, глаза недобро зыркали из-под украшенного золотом шлема.

Томас поморщился.

– Сэр Болдуин, ваш шепот громче, чем ржание моего боевого коня! Я не обнажу меч, как вы надеетесь. Здесь в самом деле цвет англского и норманнского рыцарства, я не хочу всех женщин Англии оставить вдовами. Но, по крайней мере, мне позволено проехать в свои владения?

Снова за спинами старого барона был недовольный шум, звякало железо. Барон с неохотой наклонил голову. Похоже, он, как и все, ожидал от горячего рыцаря более простых движений.

– М-м-можете, – ответил он с усилием. Покосился на хмурые лица, добавил уже другим тоном, виноватым: – Однако, сэр Томас... Я бы не советовал оставаться там надолго.

– Почему?

На плечах старого барона жутко закрипело, словно старая осадная башня пыталась повернуться. Томас понял, что сэр Огден пытается пожать плечами.

– Кто поверит, – проговорил барон с таким усилием, словно выдавал тайну сарацинам под пытками, – что не начнешь собирать силы? А это новая кровавая распря... Добро бы друг друга резали дикари, как вон твой друг, но благородных рыцарей жалко!.. За тобой кто-то да увяжется из молодых да горячих. Да пусть лучше полягут в войне с врагами, чем в междоусобице! Или еще разок удастся их натравить на сарацин, спровадить на... словом, подальше, в самые дальние страны.

Томас задыхался от ярости, а Олег спросил мирно:

– Прости, что вмешиваюсь... но что ты предлагаешь?

– Ну, – проговорил барон с неловкостью, – необходимость таковая, что приходится говорить и делать неприятные вещи. Мы ценим тебя, сэр Томас! И уже ощутили твою мощь. Так лучше, чтобы она ушла от нас подальше. Победенные англ и победители норманны уже начинают сливаться в один народ... да-да, начинают!.. и все хотят жить спокойно.

Томас прорычал:

– Что ж, ты свое сказал. Теперь я скажу! Сейчас мы едем в мой замок, где меня ждут... надеюсь, отец и дядя. Там я решу, что делать дальше. И пусть простит Господь душу несчастного дурака, кто посмеет встать у меня на дороге.

Его конь вскинул голову и пошел вперед. Расстояние между плотным рыцарским строем и гордым рыцарем сокращалось. Томас опустил забрало, в руках зловеще блеснул исполинский меч.

Послышался лязг, рыцари поспешно опускали забрала. Барон Огден остался с открытым лицом. Он несколько побледнел, глаза его не отрывались от надвигающейся громады, все наслышаны о великих подвигах сэра Томаса, и хотя ни один герой не выстоит против их отряда, но все же успеет не одну благородную даму сделать вдовой. Да и про его спутника с красными волосами рассказывают странные вещи...

Конь барона пошел боком, сдвинулся, открывая Томасу железный ряд рыцарей. Огден вскинул длань, зычный голос прогремел властно:

– Дорогу сэру Томасу! Он всего лишь возвращается в свои владения!

Рыцари колыхнулись, заскрежетало железо. Металлическая стена начала рушиться, кони подавались в стороны, но там тоже стояли закованные в железо чудовища, звон и лязг стали громче.

Еще чей-то голос прокричал:

– Разве он едет во дворец короля?.. Он едет домой! Дорогу сэру Томасу!

Томас восседал в седле неподвижный и надменный, похожий на царственного льва, что неспешно двигается сквозь стаю мелких шакалов. Цвет рыцарства поспешно расступался, ибо это тот цвет рыцарства, что благоразумно остался в своих землях, когда другой цвет ушел в неведомые земли отвоевывать Гроб Господень и там, похоже, сложил головы.

Но этот одиночка вернулся, а это такой дурак, что не посмотрит на численное превосходство, кинется, еще и забьет многих до того, как его самого забьют!

Яра ехала стремя в стремя такая же холодная и надменная. Ее лиловые глаза высокомерно взирали поверх голов, это всего лишь мужики в железе, а не рыцари, и они склонялись, отводили взоры, не в силах вынести взгляда ее ясных чистых глаз.

Олег проехал как можно тише, стараясь не привлекать внимания. Он чувствовал, как будто двигается в узкой трещине между ледниками, с обеих сторон веет холодом и угрозой, вот-вот стены двинутся навстречу одна другой, с тяжелым грохотом сомкнутся...

Так ехали в молчании, пока рыцарский строй не остался позади. Но и тогда Томас двигался ровно, неспешно, хотя зоркий глаз Олега заметил, как дрогнули и слегка расслабились гордо вздернутые плечи рыцаря. Яра протянула в его сторону руку. Он одной рукой поднял забрало, другой – взял за пальцы, с благоговеньем поднес к губам. Олег с неловкостью отвернулся, вздрогнул от голоса Томаса:

– Что, сэр Олег? Такого даже ты, Вещий, не предвидел?

Рыцарь смотрел с горькой насмешкой. Олег с неудовольствием пожал плечами.

– Как такое можно предвидеть?

– Но ты же... гм... Вещий? Так тебя звали те... которые еще диче, чем ты.

Олег сказал, защищаясь:

– Томас, я могу предвидеть, что солнце завтра встанет на востоке, а зайдет на западе... хотя теперь-то знаю, что это не совсем так... я могу предвидеть, что через какие-нибудь сто тысяч лет на месте этих дремучих лесов и болот протянется степь с горячим воздухом... да-да, хоть океан и рядом, что через полтысячи лет большие группы азиатских народов переселятся на эти изолированные острова... но я не могу предвидеть, какой рукой ты показываешь мне фигу в кармане! И ни один всевидящий или ясновидец не скажет. А если кто угадает, того можно ставить королем всех стран и народов.

Томас сказал угрюмо:

– Про восход солнца я и сам ясновидящий дальше некуда. Даже закат могу предсказать. И ночь. А вот через сто тысяч лет... поди проверь! Нет, все это брехня про вещих. Один Господь Бог все видит и все понимает, только нам не скажет. Да и он, ты ж слышал, не следит за каждым листком или волоском, как священники уверяют простой народ.

– Ты-то не простой, – сказал Олег насмешливо.

Томас возразил, сразу ошетинившись:

– Да, не простой! Простому народу нужен покровитель: Господь Бог или рачительный хозяин края, который за все отвечает, а благородный рыцарь часть ответственности принимает на свои плечи.

– За что? – спросил Олег коварно.

– За все, – отрезал Томас. – За все на свете!

Олег промолчал, зеленые глаза загадочно поблескивали. Томас видел, что отшельник все чаще присматривается к нему с неким странным интересом, словно увидел двухголового кабана или оленя в рыбьей чешуе. Даже Яра заметила испытующие взгляды волхва, покосилась удивленно на Томаса. Но ее жених, все еще жених – ее утащили в ад за мгновение до того, как их объявили бы мужем и женой, – смотрел надменно и сурово перед собой, непроизвольно замечая и шелохнувшиеся в сторонке кусты, и выпорхнувшую из-под копыт птицу, и парящего в небе орла.

Глава 3

Томас покачивался в седле с прямой спиной, с неподвижным лицом, взор устремлен вдалеку. Олег видел, глаза рыцаря то вспыхивают звездным огнем, то полыхают адским пламенем, дыхание учащается, идет из горла со свистом, чуть ли не с огнем и дымом, как у дракона, а рука сжимает повод с такой силой, что может превратить кожаный ремень в ниточку. Все деликатно помалкивают про потерю трона, на котором Томасу так и не пришлось посидеть, но, видно по лицам, все только и думают, в какую форму выльется гнев крестоносца и какое решение все-таки примет.

– Практичный народ, – сказал Олег громко и ни к кому не обращаясь. – Сперва в дурные головы ударила романтика: ах-ах, доблестный рыцарь добыл в Святой Земле мечту всех христианских стран – Святой Грааль, пронес через чужие страны и доставил в Британию!.. Слава герою, слава... давайте посадим его на трон. Тем более что предыдущий король выказал себя редкостным дураком и свиньей, за что и был умерщвлен. И вообще утащен в котел с кипящей смолой. Потом, пока мы бродили по аду и небесам, подумали, отрезвели, снова подумали и решили, что во главе королевства все-таки нужно ставить не самого лучшего по рыцарским или еще каким доблестям, а...

Он задумался, Томас зыркал молча, Яра поинтересовалась ледяным голосом:

– Кого же?

– Умеющего управлять, – ответил отшельник, хотя было видно, что пытался отыскать более емкое слово. – Томас честен и прям, а для правителя – это хуже, чем дурость, это отказ от гибкого управления. Честный и отважный человек во главе королевства быстро зальет его кровью, это уже проверено...

Томас прорычал, не поворачивая головы:

– Во имя Христа – можно.

– А когда убивают вместе с грешниками и праведников? – спросил Олег.

Томас ответил с достоинством:

– Господь не дурак, разберется, кто свой, а кто чужак.

Отшельник нахмурился, что-то вспоминая, хмыкнул.

– Все верно, он же целиком сжег Содом и Гоморру, хотя там не все были... неправильные. Не чикался, а взял и сжег, молодец. Лес рубят – щепки летят.

Томас нахмурился, показалось кощунственным, что язычник так это снисходительно одобряет действия Господа, словно бы покровительственно похлопывает по плечу, а то Господь ждет не дождет, что же этот дикарь скажет: вдруг да не сочтет его поступок правильным, какой ужас, как жить?

Олег привстал в стременах, Лилит попыталась дернуть его вниз, но отшельник остался недвижим, как высеченная из камня вместе с конем глыба, всмотрелся внимательно.

– Хорошо бы, – сказал он неожиданно, – маленький отдых...

Томас удивился:

– Вон за той рощей уже мой родовой замок! Там и отдохнешь, служанки тебя еще помнят.

Он покосился на Лилит, прикусил язык. С демоницей вряд ли проклятому язычнику, гореть ему в огне, будет время для служанок.

Олег хмурился.

– Да что-то не по себе. Такое ощущение, что подобное уже было. Приедем, а там все разграблено, дядя и отец в темнице, Пенелопа ткет саван, а...

Голос Яры был тих, но проник в их неспешный разговор, как острое лезвие мизерикордии:

– А кто эта Пену... пены... лоппа?

- Да это я так, – сказал Олег, защищаясь, – припомнилось некстати. Томас ее не знает.
– А она его?

Лилит хихикнула в ухо Олегу. Олег задумчиво посмотрел на Томаса, словно колеблясь, сказать правду или прикрыть друга, наконец ответил с некоторым сомнением:

– И она... гм... тоже. Как следует. Я говорю, не нарваться бы. Лучше отдохнуть под вон тем деревом, обдумать положеньице.

Томас метнул злой взгляд, в самом деле язычник умничает некстати, Яра не понимает аллегорий, как любая женщина, к тому же красивая, а значит, вообще ничего не понимает, такую только в королевы или по меньшей мере в благородные хозяйки древнего замка. Она еще припомнит ему эту Пенелопу, хотя язычник брякает, не думая, что брякает, это у него мысль так зигзагами, как слепоглая змея, хотя он наверняка думает, что его мысль подобна все освещающей молнии.

Он повертел головой из стороны в сторону, металл доспехов поскрипывал мягко и успокаивающе, словно сонный жук-дровосек грыз дерево, наконец, рука в латной рукавице указала перстом в сторону.

– Под вон тем золотым грабом, благословленным деревом, и отдохнем. И подумаем, что делать дальше.

Олег кивнул, но уточнил:

– Под ясенем тень гуще.

Рыцарь отшатнулся так, что железо звякнуло и заскрежетало, будто он вместе с конем катился по ступенькам с башни Давида.

– Ты что? Это же проклятое дерево!

– Разве? – удивился калика. Он с сомнением оглядел приближающийся здоровенный ясень, высокий и раскидистый, с могучей листвой. – По мне, так твой граб заморыш дальше некуда.

Томас потряс дланями, словно Аарон, призывающий небо в свидетели. В синих глазах полыхнул гнев, желваки вздулись и застыли, крупные и рифленные.

– Сэр калика! Этот проклятый ясень – единственный, кто не поклонился Пресвятой Деве, когда шла через лес и смотрела, куда бы зацепить люльку с младенцем. Ну, с этим, которой потом рыбой кормил, манну с неба... нет, манну другой Иисус, прозвище запоматывал. Все деревья поклонились, а ясень не поклонился! Гордый, значит. Вот она его и прокляла! А граб, видать, поклонился ниже других, чтоб ей легче было зацепить за сучок люльку.

– Хорошее дерево, – одобрила Яра. – Доброе.

– Угодливое, – сказал калика, и нельзя было понять по тону, одобряет или осуждает. – Вовремя подсутилось.

Томас спешил к грабу, подал руку Яре, преклонив колено, и она сошла как положено благородной даме: ступив на его колено, опершись о плечо, голова гордо вскинута, нос задран, как у брянской козы, спина прямая, в глазах лед и некоторая задумчивость, словно все еще пытается вспомнить, не было ли, кроме Крижины, еще там кого-нибудь, не утаил ли МакОгон каких-либо мужских тайн при отбытии на родину...

А могучий рыцарь уже с грозным грохотом, словно работали дюжие молотобойцы, сбрасывал доспехи. Куча под деревом все росла, наконец Томас стянул через голову и швырнул поверх груды железа пропотевшую вязаную рубашку. Запах и от рубашки, и от могучего тела пошел победный, густой, вязкий. Из всех щелей в толстой коре ствола в три обхвата в панике высунулись сляжки, судорожно задергались, затем из дерева полезли жуки, сороконожки, пауки, заматались, сбиваясь сослепу, помчались в разные стороны, натываясь на кочки.

Олег сдвинул плечами, сел рядом с подветренной стороны. Гордый ясень, князь среди деревьев, по-рыцарски красиво и независимо раскинул в десяти шагах от них зеленые ветви

над ручейком, что выбегает у него между корней. Крона так широка, что в густой тени поместится полк крестоносцев вместе с конями.

– Ты ее зовешь милосердной? – усомнился он. – Вот так в минуту раздражения, пусть даже устала до попов в глазах, проклясть все ясени на свете?

Томас возразил:

– Но в колыбельке был сам Иисус!

– Ну и что? – спросил Олег. – Подумаешь. На нем что, уже тогда было написано, какую лавину он сдвинет?

Томас начал злиться, Яра сказала мягко:

– Олег, дело не в том, кем станет ее ребенок. Для матери – он самое ценное. Она за ребенка готова... не знаю просто на что! Она еще и осину прокляла тут же, ты же знаешь? Потому что, когда ребенок насосался, как паук, и заснул, все деревья замерли, чтобы не будить, а та дура продолжала трепетать листьями.

– Выходит, эта милосердная сыпала проклятиями направо и налево, как пьяный матрос?.. Ничего себе, заступница! То-то она мне сразу понравилась.

Томас вскипел, Яра поспешно опустила тонкие пальцы на его руку.

– погоди, Томас... Олег, ты не прав. Ты путаешь милосердие со справедливостью! А еще волхв. При чем тут справедливость? Да за своего ребенка мать готова кого угодно... голыми руками. Это для тебя безотцовщина, байстрюк, а для нее – самое дорогое на свете! Вот и прокляла сгоряча... Я бы на ее месте не только прокляла, но и переломила бы эту осину к чертям собачьим. Ишь, расшелестелась, зараза, когда ребенок спит...

Оба поглядывали на темного, как грозовая туча, Томаса. Глаза рыцаря сошлись в точку, губы двигались, а пальцы сжимали незримую рукоять меча. Он уже рубился, повергал, мстил, уничтожал, размазывал врагов по стенам, а тех, кто падал на колени и униженно просил прощения, прощал и убивал уже без вражды, с христианским милосердием в сердце.

– Пусть перекипит, – сказала Яра тихо. – Мне это знакомо... Я когда-то отказалась от княжества, что побольше этих крохотных королевств, перекипела, а для него это внове...

Она поглядывала на Томаса с любовью и тревогой, Лилит вздыхала сочувствующе, Олег деловито поджаривал мясо на углях, подкладывал сухие хворостины. Лилит выбрала самый прожаренный, завернула в тонкую хлебную лепешку и заботливо протянула Олегу.

– Ешь, а то худой какой-то.

– Мне так положено, – буркнул он.

– Как христианскому аскету?

Он отмахнулся, равнодушно откусывая мясную лепешку.

– Аскетизм придумали не христиане.

Она смотрела в его лицо с ласковой насмешкой и с удивлением.

– Мне Яра рассказала о ваших приключениях.

Олег отмахнулся.

– Больше слушай.

– А что не так?

– Женщины все преувеличивают.

– Ну, если по мелочам. Но в аду были?

Олег хмуро кивнул.

– Были. Ну и что? Я там много раз бывал. Когда по делу, когда... просто мимо шел.

– Я тоже не люблю там бывать, – призналась она и поежилась. – Даже в тех, старых...

А новый, который христианский, так вообще жуть. Но вы прошли весь, подрались с самим Сатаной, а потом поднялись на небеса и устроили там бойню...

Он покачал головой.

– Все брехня. Одному разве что в лоб дал, чтобы перья посыпались... Или двум, кто такие мелочи помнит? Наверное, перо понадобилось. Написать что-то умное или еще для чего.

– Для чего? – спросила она с интересом.

– Не помню, – огрызнулся он. – У меня хорошая память: нужное помнит, а всякую хрень – нет. Мы же не для драк спускались в ад? Это мальчишки да рыцари только и грезят, как бы подраться, а я человек сурьезный. Я драк не люблю.

Она сказала торопливо, старательно пряча усмешку, сурьезный человек не поймет, вдруг да обидится:

– Понимаю-понимаю. Ты всегда, по слухам, избегал любых драк... хотя, по тем же слухам, из них не вылезашь. Я сама не про схватки. Не люблю, когда мужчины дерутся. Должна бы привыкнуть, а все не привыкну. Ты как-то обмолвился, что давно подозревал...

Она запнулась, пугливо оглянулась на безупречного христианина, все еще темного, как грозовая туча, что набрала грома и молний, но выплеснуть не на кого. Он сидел, прислонившись к стволу граба, налитые кровью глаза метали багровые молнии, а пальцы безотчетно загребали траву.

Олег усмехнулся.

– Не обращай внимания. Ему некоторые вещи, как горохом о стену. Хоть говори, хоть показывай, хоть кол на голове теши... Христианин!

Она сказала еще тише:

– Ты говорил, что давно подозревал, что...

Она говорила все тише и все с большим трудом, словно и ей непросто выговорить такую крамолу. Олег вздохнул.

– О том, – спросил он, – что Творец и Сатана – один и тот же? Вернее, что и Творец, и Сатана – двое в одном? Вернее, в двух один?

Она торопливо кивнула.

– Да!

– Видишь ли, – проговорил он медленно, – всем известно, что Сатана свободно восходит на небеса, чтобы обвинять человека перед Богом. Но хотя все это знают, но никто такого не видел. Почему?

– Не знаю, – ответила она растерянно.

– Потому, – сказал он все так же медленно и терпеливо, – что Сатане вовсе не требуется раскалывать землю, чтобы вылезти из подземного ада, а потом с громом и молниями возноситься на небеса. Сатана – это он сам... когда в плохом настроении. Извини, это неудачная попытка пошутить, у меня с юмором проблемы. Сатана – это та часть Творца, что постоянно недовольна его работой, его идеями. Та часть, что тянет вниз... Увы, даже у Творца бывает такое.

Она сказала тихо:

– Я знаю. Но... как узнал ты?

Он хмыкнул.

– Разве мы не по образу и подобию?

Она прошептала:

– Бедный... И в то же время, хоть ты из праха, а я из божественного света, но я тебе завидую. Каким-то образом ты к нему ближе. И понимаешь его лучше. Может быть, даже знаешь, зачем он создал это все... и нас тоже?

– Догадываюсь, – проворчал Олег.

Глава 4

В сторонке послышался глухой удар: Томас, не удержав гнева, обрушил кулак на землю. Лицо исказилось свирепой гримасой, явно истребляет врагов сотнями, повергает их с коней, топчет копытами, протыкает копьем, бьет мечом, а бегущих гонит и бьет без всякой жалости.

Олег покосился на рыцаря со странной нежностью во взоре, отложил очередную лепешку, что заботливо вложила ему в ладонь Лилит.

– А что лучше, – обронил он с непривычной для него мягкостью, – быть одним из великого множества королей в Британии, которых, как лягушек в болоте, или же попытаться стать человеком, который в самом деле что-то сделает для Англии? Да и не только для Англии?

Томас спросил в бешенстве:

– Что? Что можно сделать для Британии, не будучи королем?

– Не знаю, – ответил Олег. – Ты уж слишком так в лоб. Как будто я щас тебе все на тарелочке. Знаю, что можно. А вот как...

Рыцарь отмахнулся в великом раздражении.

– Знаешь, не зли. О том, что пользу церкви можно принести, не будучи королем, знает каждый. Ты укажи как либо помалкивай.

– Уже молчу, – ответил Олег кратко.

Он поднялся на ноги, кивнул внимательно слушавшей их разговор Лилит.

– Отдыхай, – велел он. – А я пока посмотрю, что там впереди. И что возле замка.

Она покачала головой.

– Нет уж, я так давно тебя искала, теперь не оставлю ни на минуту. Посмотрим вместе.

Олег возразить не успел, насторожился. Земля слегка вздрагивала, будто от лесного пожара мчится стадо лосей. Рука волхва потянулась к посоху мага, который чаще служит боевой палицей. Томас поискал глазами разбросанные доспехи.

Судя по конскому топоту, за рощей мчится в галопе на боевых конях с десятков тяжело-вооруженных рыцарей.

В их сторону.

Олег прислушивался к конскому топоту внимательно, словно и по стуку копыт читает, как в открытой книге, лицо сосредоточенное, зеленые глаза потемнели, словно изумрудные камни, на которые пала тень грозовой тучи. Томас подтащил меч в ножнах, доспехи надеть явно не успевает. Яра отступила в сторону, в ее руках появился лук. Лилит с интересом посматривала на мужчин, Олег перехватил ее взгляд и покачал головой, в глазах укоризна, Лилит вздохнула и развела руками.

Первые всадники выметнулись на полном галопе, за ними еще и еще люди в железе с мечами в ножнах и щитами за спинами, которые так легко перехватить в руку. Проскочив слегка мимо, развернули коней и направили их в сторону отдыхающих под благословенным деревом. Томас сказал с облегчением:

– Это же Конрад!

– Кто он? – потребовала Яра.

– Я его поставил вместо МакОгона.

Яра не опустила лук, в глазах все то же подозрение. Олег одобряюще хмыкнул, в этом мире многое меняется при одном слухе, что кто-то исчез, а кто-то возвысился. И далеко не все спешат, как велит Христос, поддержать опального.

Всадники налетели с грохотом, окружили, передний торопливо соскочил на землю, преклонил колено.

– Сэр Томас!.. мы за вас беспокоились. Эх, да что там беспокоились!.. Понятно же, что мы все думали и переживали, когда вы отправились в такое... такое...

Томас не дал договорить, поднял, прижал к груди.

– Спасибо, дорогой Конрад. Спасибо. Как вы догадались, что мы едем... да еще этой дорогой?

Конрад взглянул на Олега, на лице борьба чувств, сказал с неохотой:

– Ваш дядя, благородный сэр Эдвин, каким-то образом увидел.

Томас тоже покосился на Олега, в глазах замешательство, то ли поблагодарить, что научил родню такому важному в защите замка свойству, то ли вознегодовать, что проложил для его родни дорогу в ад на вечные муки.

– Э-э, спасибо, Конрад. Но, как видишь, у нас все благополучно.

Конрад спросил с беспокойством:

– А почему остановились? Ваши кони не настолько устали, чтобы не донести до замка... Что за кони, что за кони! На них хоть в преисподнюю...

– А мы откуда? – буркнул Томас и махнул рукой. – Просто мой друг, вы его уже знаете, любит размышлять именно под деревом. Вот и остановились, чтобы помыслил.

Конрад оглянулся, на суровом лице воина отразилась несвойственная людям в доспехах глубокая задумчивость.

– Тогда ему лучше отсечь под ясень?

Томас ехидно оскалил зубы.

– Я предлагал. Но ему все равно. Этот бесчувственный гад не против Христа или Пречистой Девы, он... хуже того – к нашим святыням... равнодушен! Что может быть отвратительнее? Ладно, дорогой Конрад, спасибо за спешку, мы слышали, как вы гнали коней. Возвращаемся в замок!

Один из рыцарей прыгнул и бросился к подаркам Аттилы, желая почтительно подвести коня сюзерену, но жеребец так взглянул на него огненным глазом, что неустрашимый рыцарь заробел и остановился. Томас, деликатно не замечая смятения рыцаря, церемонно подвел коня к Яре, хоть и не королева, но все равно благородная дама, она красиво поднялась в седло, а когда разобрала поводья, Томас вскочил в седло своего коня.

Олег уже в седле, спину жжет жар соблазнительного тела Лилит, она прижалась всем телом, с любопытством рассматривает закованных, как в стальную скорлупу, мужчин. Конрад выслал вперед двух на самых быстрых конях, те умчались, весело вскрикивая и настигая без всякой нужды.

Олег с тревогой посматривал на багровое от гнева лицо Томаса. Желваки вздуты, челюсти время от времени лязгают, как падающая железная решетка ворот замка, а дыхание все чаще и яростнее. Он все еще там, разговаривает с бароном Огденом, выслушивает оскорбительный отказ утвердить его королем и, как всегда, запоздало находит самые лучшие и достойные ответы.

Обе встревоженные женщины тоже не знают, как быть в такой ситуации, когда после самой величайшей из побед герою, прошедшему ад и рай, здесь, на грешной земле, плюют в лицо и заявляют, что он недостоин королевского трона, на который сами только что усадили!

Вдруг он ощутил, что уже не слышит свирепого дыхания рыцаря. Повернулся, Томас уже спокоен и безмятежен, щеки нормального цвета, ветерок легонько перебирает белокурые волосы, взгляд ясен и чист, в седле чуть покачивается в такт конскому шагу, а только что сидел, словно весь из железа, изготовившись к таранному удару.

– Томас, – сказал Олег озадаченно, – Томас... ты как, здоров?

– Уже да, – ответил Томас ясным голосом.

– Э-э, – промямлил Олег, – а до этого...

– Искушение, – ответил Томас коротко.

– Искушение?

Томас кивнул.

– Но я его одолел.

Олег поерзал в седле, не зная, как поделikatнее коснуться опасной темы, вдруг да рыцарь снова придет в ярость, спросил осторожно:

– Искушение властью?

Томас ответил легким голосом, в синих глазах отражалось безоблачное небо, такое же синее и чистое:

– Наверное. Просто вспомнил слова нашего полкового прелата, что неприятности, особенно большие неприятности, – это знак уважения со стороны Господа Бога.

Олег посмотрел на него внимательно, всерьез ли рыцарь несет такую ахинею, спросил все так же осторожно:

– А какое же тогда неуважение?

– Удача, – ответил Томас ясным голосом. – Когда на голову сваливается счастье, когда случайно находишь клад, когда вдруг все в жизни получается... это и есть неуважение со стороны Господа Бога. Такие люди не заслуживают Его внимания, Его заботы. Ведь каждый несет крест по своим силам, не знал? Слабый несет крест из прутьев, совсем никчемный вообще глаза не в сторону, и только избранных Господь испытывает, посылая им беды, суровые испытания, им вручает нести самый тяжелый крест...

Он умолк и дальше ехал, глядя вдаль чистым просветленным взором, с покоем в душе и готовностью к этим самым новым суровым испытаниям и бедам. И вид настолько гордый, что Олег едва не напомнил язвительно про самый смертный грех – гордыню, но смолчал, здесь это в самом деле самая что ни есть добродетельная гордость со всей стойкостью и праведностью.

Женщины тоже повеселели, хотя и не поняли причины. Олег подумал, что, если им даже все подробно объяснить, вряд ли поймут. Яра из той страны, где герой, какой бы подвиг он ни совершил, тут же садится «жить-поживать да добро наживать», Лилит тоже не поймет, для этого надо быть не просто христианином – большинство из них просто так христиане, все вокруг христиане, вот и мы тоже, – лишь Томас шел в Святые Земли освобождать Гроб Господень, так что сокровенные истины христианства у него врезаны глубоко в сердце... что и выказал вот сейчас, удивив таким нестандартным и непонятным даже для большинства «простых» христиан пониманием.

– Томас, – проговорил он в задумчивости, – а ведь ты... как ни странно, прав.

Томас медленно повернул голову в его сторону, голубые глаза облили холодным презрением.

– Почему «как ни странно»?

– Мысль глубока, – признался Олег. – И объемна. Не рыцарской голове такую вместить.

Томас сказал с надменностью высокорожденного:

– Что не поместится в одной голове, уместится во многих. Нас шло освобождать Гроб Господень двадцать тысяч человек, и все сердца бились в унисон, нас окрыляла одна вера, одна страсть, одна мечта! Тебе этого не понять... язычник.

Олег кивнул, чуть отодвинул коня и даже приотстал, продолжая рассматривать молодого рыцаря во все глаза.

Родовой замок Мальтонов выступил на фоне синего неба суровый и грозный. На стены высыпал народ, в воздух взлетели шапки. Чуть позже поднялась решетка, запирающая вход, вниз с приличествующей медлительностью пошел подъемный мост.

Рыцари придержали коней, Томас и Яра поехали впереди, Олег скромно держался сзади. Рыцари поглядывали на него с нерешительностью: о его мощи наслышаны, но в то же время

явно простолюдин, а место простолюдина в хвосте процессии... Разве что считать этого в звериной шкуре не простолюдином, а ученым человеком, а те, хоть и простолюдины, но уже не простолюдины, а как бы вне рангов и сословий, что значит – им дозволено входить даже в королевские покои без приличествующих благородному человеку учтивостей и церемоний.

Сэр Торвальд торопливо сбежал по ступенькам замка, Томас спрыгнул на землю и заключил отца в объятия. И снова ощутил с некоторым страхом и замешательством, что его отец, на которого привык смотреть, как на несокрушимого великана, иссох, горбится, стал меньше ростом, а его плечи легко помещаются в кольцо рук сына.

– Сынок, – проговорил сэр Торвальд, – я даже боюсь представить, где ты побывал!

Яра подошла с ясной улыбкой на спокойном лице, Торвальд обнял и ее, в глазах старого рыцаря заблестели слезы, прорвали запруды и побежали по морщинистым щекам.

– Все хорошо, – сказала Яра торопливо. – Ни один рыцарь Британии не выказал еще такой доблести, как ваш сын! О его деянии будут слагать песни. А сейчас все хорошо, все кончено.

Подошел Эдвин и тоже обнял Томаса, а Яре поцеловал руку. Рыцари слезали с коней, на встречу отца с сыном смотрели с почтительным восторгом, двигались тихо, не переговаривались. Слуги и оруженосцы разбирали коней, наконец, сэр Торвальд обратил внимание на Олега и женщину за его спиной, вздохнул, сделал широкий жест руками.

– Дорогой... сэр калика, мой дом – твой дом. Располагайся. Прости, но я никак не ожидал увидеть тебя с... гм... дамой.

Олег буркнул:

– Спасибо, сэр Торвальд. По правде говоря, я сам не ожидал увидеть себя с, как вы говорите, «гм дамой». Но что делать, у всех свои несчастья. Позвольте себе представить леди Лилит. Она не желает называть своих титулов, но Томас подтвердит, что перед древностью ее происхождения все родословные королей – пыль, тлен, прах и сотрясение воздуха мычанием.

Сэр Торвальд поклонился со всей учтивостью, следом отвесили поклоны сэр Эдвин и рыцари.

– Наш дом, – повторил сэр Торвальд торжественно, – ваш дом.

Он повел сына в замок, не выпуская его руки, когда-то совсем детской, а теперь твердой и жилистой, с желтыми от рукояти меча мозолями на ладони. За ними пошли Яра и сэр Эдвин, чуть погодя сдвинулись с места, выстраиваясь по рангу, остальные рыцари.

Олег наконец покинул седло, повернулся и подал руку Лилит. Она расхохоталась:

– И ты?..

Он проворчал:

– Где живешь, те песни и поешь.

Она легко соскочила, не коснувшись его руки, зато тут же бросилась на шею, звучно поцеловала, не обращая внимания на стоящую в сторонке челядь.

– Ты прелесть, – объявила она. – Говоришь так серьезно, словно в самом деле так и поступаешь.

Он вскинул брови.

– А разве не так?

– Нет, конечно, – сказала она. – Ты вон даже одежду менять не желаешь! Ничего, мы с Ярой на этот счет уже посплетничали и кое-что придумали.

Глава 5

Замок гудел, челядь сбивалась с ног, из подвалов выкатывали бочонки со старым вином, а мясо жарили и пекли даже во дворе. Из кухни уже таскали на столы в пиршественную залу холодные закуски, головки сыра и всяческие студни, хлеб всех сортов, творог. В печах и на жаровнях торопливо готовили дичь, пойманную на охоте: оленей, диких коз, кабанов, а также всякую мелочь вроде уток и гусей.

Ликующий сэр Торвальд праздновал возвращение сына с невесткой с размахом, дядя Эдвин поддерживал с энтузиазмом, все рыцари восхваляли подвиги Томаса и восторгались ими. Но Олег видел темное, как грозовая туча, лицо Томаса и понимал: рыцарь не верит, что восторгаются искренне, подозревает, что все вокруг него просто стараются утешить и как-то компенсировать вниманием и заботой потерю королевской короны.

Глупости, подумал Олег с сочувствием. Конечно же, все рады искренне. И пир не из-под палки. В этом мире, где все воюют против всех и потому не знают, что творится даже у соседей, жизнь у рыцарей довольно скучная, потому так стремятся хоть отправиться в дальние походы, хоть принять на себя обеты и уйти на поиски Святого Грааля или золоторого оленя. А если в замок забредет бродячий менестрель – уже повод устроить пир, на котором все будут слушать о великих подвигах и любви прекрасных дам. А уж если такое великое событие, как возвращение единственного сына сэра Торвальда, благородного рыцаря Томаса, слава о подвигах которого опередила его быстрого коня, то пир должен быть просто великолепным, бесподобным, и на столах должно быть все-все самое лучшее!

В ожидании долгого и бесплодного пира Олег ушел с сэром Эдвином в их родовую библиотеку, Яру и Лилит увела мать Томаса леди Климентина, а сам он остался наедине с отцом. Помолчали, ибо слов у обоих столько, что только молчанием и выразить всю тяжесть. Отец робко поглядывал на гневное лицо сына. Вздыхал, разводил руками, но в лоб спросить о планах не решился, закинул удочку издалека:

– А что... делает этот язычник? Почему он с тобой?

Томас задумался, развел руками.

– Знаешь, отец... я даже себе не могу ответить. Сперва, как ты знаешь, нам было просто по пути. Он тоже брел из Иерусалима, набрался там, как собака блох, всяких ложных учений. Потом я довел его до Киева, дальше собирался один...

Отец закончил:

– А потом он пошел провожать тебя?

– Да, – промямлил Томас, – что-то в этом роде. Чем-то я его заинтересовал, хотя не пойму – чем. Как воин он мне не уступит, знает неизмеримо больше. Да и вообще, только теперь, когда все сделано и я остыл от ярости, начинаю осознавать, что же натворили! В ад вторглись – ладно, но ведь и в рай вломились, как два пьяных моряка... Как из ангелов перья летели, вспомнить стыдно. Правда, загородили дорогу мне, благородному рыцарю из рода Гислендов! Как такое стерпеть, когда с моего пути и бароны разбегаются, как вспугнутые воробы?... Словом, если бы не Олег, я бы даже в ад не попал... в смысле, вот так, живым и с мечом в недрогнувшей руке... а с ним все прошли, от всех отбились. Сам не знаю, что он во мне увидел такое!

Он снова сбился, умолк. Отец покачал головой.

– Хорошо, это не главное. Скажи, за трон бороться будешь?

Томас отшатнулся.

– Ни за что! Мое рыцарское достоинство не позволит. Теперь даже если преподнесут ключи от казны, я спущу этих ключеносителей с лестницы.

Отец вздохнул с явным облегчением.

– Вот и хорошо. Заживем...

Томас поспешно прервал:

– Отец, отец! Я хочу сразу сказать, чтобы потом не было больно. Я не останусь. Я всегда был непоседой и хотя по возвращении из крестового похода всерьез собирался осесть, жениться на Крижине и заниматься хозяйством, но, как видишь, не судьба. Сейчас я заехал только попрощаться и сказать, что еду в королевство Эссекс.

Отец смотрел в полном недоумении, потом, спохватившись, кивнул, голос был невеселым:

– Эссекс?

– Да, – ответил Томас. – По слухам, там очень беспокойно и со стороны мятежных баронов, и от морских разбойников, что опустошают побережье, и вообще там много беззакония и несправедливости. А я как рыцарь Храма не могу допустить, чтобы где-то творились несправедливости, притесняли вдов и сирот. Господь вручил нам, крестоносцам, острый меч и посадил на коней, дабы мы несли в мир Его законы любви и справедливости.

Отец сказал безнадежным голосом:

– Томас, Томас... Опомнись. Что ты сможешь один?

Томас сказал раздраженно:

– Не знаю. Но здесь я точно ничего не смогу.

Громко хлопнула дверь, в комнату вошел высокий человек в подпоясанном сюрко темно-красного цвета из дорогого экарлата. Глубокий вырез на груди открывает выпуклые мышцы. Против обычая под сюрко не оказалось ни котты, ни пелюсона, что в свою очередь одеваются поверх рубашки или сорочки. На поясе широкий нож с резной рукоятью из рога неведомого зверя. Полы сюрко непристойно укорочены, для верховой езды предусмотрены разрезы спереди и сзади, а полы по обычаю заправляют за пояс. Разрез на груди, который рыцари обычно завязывают цветными шнурками, а короли скрепляют дорогими фибулами, открывает могучую грудь, заросшую рыжими волосами.

Томас ахнул, челюсть отвисла, глаза вылезли из орбит, как у речного рака.

– Олег... тебя не узнать!

Олег с неудовольствием отмахнулся.

– Да это все Лилит с ее бабьей дуростью. Как будто я не тот же в другой одежде.

– Но как ты...

– А что делать, – буркнул Олег. – Пристала, как... не знаю что.

– Ну Лилит... – выдохнул Томас. – Настоящая женщина! Сумела...

– Да ерунда, – сказал Олег. – Я тот же.

Сэр Торвальд покачал головой, не соглашаясь, а Томас возразил горячо:

– Она права! Человек меняется, сменив одежду... Господи, да тебя можно принять за рыцаря! Даже за весьма знатного.

– Благодарю, – ответил Олег сухо. Усмехнулся коротко: – Впрочем, как меня только не обзывали... Ну, что надумал?

Сэр Торвальд кашлянул, сказал просительно:

– Увы, меня ждут в библиотеке. Вынужден вас оставить. Вы тут не подеритесь...

– В библиотеке, – повторил Олег, провожая сэра Торвальда взглядом. – Уже и сюда добралось это благородное понятие! И как звучит «ждут в библиотеке»... Не то что в гареме или в трактире... А ты чего такой нахохленный? Как будто тоже ждешь.

– Чего? – спросил Томас настороженно.

– Удара между ушей, – любезно объяснил Олег.

– Ты ж пришел, – огрызнулся Томас. – Как не ждать неприятностей?

– Правильно, – одобрил Олег. – Рыцарь должен быть начеку всегда. И всегда давать сдачи. Даже заранее.

– Сейчас позовут на ужин, – сообщил Томас.

– Догадываюсь, – кивнул Олег. – В этих землях насчет ужина строго. И всегда так было, что дивно. Климат такой, что ли? Или от сырости? И бритты никогда не забывали про ужин, и кельты, и зекхи, и тероксы... для всех это был такой ритуал, как разговор с их богами. А теперь и вы...

Томас спросил с подозрением:

– Что за зекхи? Впервые слышу. Никаких зекхов здесь не было.

– Были, – ответил Олег будничным тоном. – Еще до пиктов. А потом с материка сюда переплыли и захватили здесь все бритты, а страну называли Британией... потом опять же с материка прибыли римские меднолобые и всех нагнули... затем высадились англы и саксы, побили всех, захватили острова, так что правильнее ее называть, как я уже говорил, Англией. Затем на эти берега высадился норманнский герцог Вильгельм Завоеватель...

Томас слушал с нетерпением.

– Святой калика, – сказал он язвительно, – ты с каждым днем все зануднее! Это значит, совсем святым стал?.. Говори просто. И сразу. Пока подбираешься к концу, я уже забыл, с чего начал и к чему ведешь.

Олег сказал спокойно:

– Это значит, что все эти народы что-то да привнесли в то месиво, которое на этих островах сейчас. Потому у вас и религия такая... деловая. Ты же вон не бросаешься на Лилит, как не знаю... на что, как тебе велит религия?

Томас сказал с негодованием:

– Сэр калика, как можно!.. Лилит – дама!.. К тому же очень красивая, а это вдвойне дама. И манеры у нее...

– ...свободные, – вставил Олег язвительно.

Томас отпарировал:

– Королевские!.. Короли могут себе больше позволить, чем простолюдины. Нет, если Лилит и демон, на что ты всячески и недостойно намекиваешь, то это наш демон.

Олег, очень довольный, кивнул.

– Ага, сам сказал, к чему я тебя, как Диоген... или не Диоген, не помню, подталкивал. Из-за того, что здесь смешались все народы, у вас прямо в крови такое отношение к тем, кто непохож или не совсем свой. А вот в тех землях, где я гонял, помню, обров, всякий чужак – враг. Другое мышление или другое восприятие?

Он впал в глубокую задумчивость. Томас скривился, будто хлебнул уксуса, махнул рукой и поднялся, чтобы уйти, но на весь замок громко и торжественно прогудел гонг, старинный, медный, отобранный из десятков других за звучный красивый голос. Олег поднялся, Томас снова невольно залюбовался его статной фигурой, совсем не отшельнической.

– Пойдем, – сказал он. – Пир... это пир.

– Да, – согласился Олег. – Уже не просто обжираловка, а ритуал. А это совсем другой статус.

На входе в зал их встречали ревом труб и даже стуком сарацинских барабанов, что после крестового похода были ввезены, как диковинка, с Востока. Олег поморщился, барабаны вроде бы некстати, как будто гости за столом будут выполнять смертельно опасные номера: то ли сожрут не то, то ли каждый десятый кувшин ви-на – отравлен, надо угадать правильный.

Леди Яра и леди Лилит уже сидят за столом между сэром Торвальдом и сэром Эдвином. Томас ахнул, откровенно засмотревшись на дивную красоту Лилит, совершенную настолько, что это уже не для людей, а только для воспевания менестрелями. Ради пира она оделась почти

так же, как и Яра, только если Яра предпочла рукава с завязками от локтя и до кисти, то Лилит велела пришить пуговицы.

Голубой, серый и коричневый цвета – принадлежность простолюдинов. Благородные люди избегают даже обычного желтого цвета, не отличая от золотого, потому и Яра, и Лилит выбрали котты пурпурного цвета, только у Яры ткань окрашена мареной, а у Лилит – кошенилью, что придает более чувственный и насыщенный цвет, в то время как платье Яры напоминает об утренней заре. Да и сама она, с длинными золотыми волосами и строгим взглядом холодных лиловых глаз... дивно хороша.

Томаса и Олега встретили приветственными выкриками, двое рыцарей вскочили и, отстранив слуг, сами выдвинули кресла для героев. Томас улыбался и кланялся, улыбался и кланялся, Олег буркнул тихонько что-то насчет христианского лицемерия, но Томас сделал вид, что не услышал.

Сэр Торвальд встал с кубком в руке, лицо сияющее, вскинул над головой.

– Самая большая радость для отца, – провозгласил он звучно, – когда с чистым сердцем может поднять кубок вина в честь своего сына! И вовсе не потому, что сын дожил до каких-то лет... а потому, что свершил подвиги, которые увидели и оценили!

Он протянул кубок, рыцари вставали и с металлическим звоном, как при сражении, сдвигали кубки, будто щиты. Вино плескалось на стол, пили быстро и с чувством, орошая подбородки и грудь, пятная дорогую одежду. Женщины весело щебетали, первыми тащили лакомые куски с общих блюд на свои тарелки и на тарелки соседей-мужчин, за которыми принялись матерински ухаживать, мужчины снова и снова наполняли кубки.

Олег пил и ел вместе со всеми, потом ухитрился ускользнуть так незаметно, что даже Томас не сразу заметил его отсутствие. Да и то больше по тому, что исчезла и Лилит, а исчезновение с пира такой сказочно красивой женщины, что дух захватывает, сразу же понижает его статус.

Глава 6

Олег подставил лицо свежему ночному воздуху, на террасу слабо доносятся пьяные крики, веселые вопли, снизу поднимаются тягучие удары молота по железу, вкусно пахнет кожами и свежим хлебом. Некоторое время он прислушивался к ночной жизни замка, а когда сзади послышались шаги, он удивился, что это не Лилит, как почему-то ожидал, а кто-то из местных.

Подошел и бестрепетно смотрел снизу вверх маленький толстенький священник. К груди прижимает обеими руками толстую книгу, как щит, на лице борются страх и решимость, глаза беспомощно мигают, а рот то сжимается в твердую линию, то кривится, как у ребенка, что вот-вот заплачет.

– Ты был невесел на пиру, сын мой, – сказал он слабым голосом, – я не знаю, что тебя гнетет, но нас, служителей церкви, Господь поставил для того, чтобы мы могли помочь людям разобраться в желаниях и поступках, вместе с ними отыскать верный путь...

Олег посмотрел на толстенького священника с вялым любопытством. Эту породу знает, простые и недалекие люди, искренне верящие, что именно по воле Господа иконы творят чудеса, над монастырями в небе возникают дивные знаки, а когда грядет война или мор, то Господь по небу бросает хвостатые звезды, предупреждая, предостерегая...

– Спасибо, – ответил он вежливо. – Но есть люди, что предпочитают со своими мыслями разбираться сами.

– Это нелегкий путь, – предостерег священник. – И чаще всего неверный.

– Согласен, – ответил Олег. – Ученый человек всегда лучше подскажет неграмотному крестьянину, чем тот отыщет сам.

– Вот-вот, сын мой...

– Но только, – сказал Олег мягко, – я не такой уж и неграмотный крестьянин. Спасибо, падре, но займись лучше челядью во дворе. Я вижу там внизу и чревоугодие, и прелюбодеяние, и все остальные грехи, как совсем смертные, так и полусмертные...

Священник покачал головой, из круглых детских глаз страх постепенно уходил, язычник не так уж и страшен, взамен пришла решимость пастыря.

– Сын мой, они – христиане! Они ответят за свои грехи, если не искупят добрыми поступками. А вот ты блуждаешь во тьме неверия. Не пора ли тебе послушать о житии Христа, о его мученической смерти и чудесах, которые воспоследовали...

Олег прервал:

– Падре, куда больше чудес творили жрецы богов, которым пришла на смену вера Христа. Так что не в чудесах сила.

Священник опешил.

– Как это... не в чудесах?

– Да так, – ответил Олег с грустью в голосе.

– Но чудеса, – сказал священник горячо, – лучшее доказательство Божьего присутствия!

– А какие чудеса творили наши старые боги... – протянул Олег. – К тому же они куда более реальны!.. С ними можно говорить, с ними можно общаться, с ними можно даже подраться. Наши боги даже живут на земле. Кто в лесу, кто в реке или озере, кто носится вместе с тучами... Даже те, кто в небе, сходят на землю, чтобы влезть в постель к чужой жене, пока муж воет на кордоне...

Священник кивнул, в глазах блеснула радость.

– Знаю, – сказал он обрадованно, – так был рожден славный рыцарь Геракл, отмеченный многими доблестями, но с нелегкой судьбой, за что Господь в конце концов и забрал его к себе на небо.

– Не на небо, а на Олимп, – буркнул Олег. – Был я на том Олимпе, одни драные козы траву щиплют. Я к тому, что наши боги – реальные. Жили на Олимпе, потом куда-то ушли. Кто-то сгинул, кто-то приспособился... Хотя вряд ли, слишком уж эллинские боги были... э-э... чувственные. У них цель всей жизни была в том, чтобы совокуплять друг друга, людей, коз, коров, птиц, рыб, мух... Такие никогда не приспособятся. Это Перун, который бабами или жратвой мало увлекался, а все занимался целыми племенами и народами, как-то нашел компромисс...

Священник спросил всполошенно:

– Компромисс ли?

Олег спросил с интересом:

– А как иначе?

Священник сказал с нажимом:

– А не приходило в голову, что тот древний бог в самом деле понял? И, отринув прежнюю жизнь, принял суверенитет Творца, признав, что его учение выше и чище? И сейчас следует за ним искренне, а не потому что... покорен?

– Мне он так не сказал, – буркнул Олег.

Священник покачал головой. Маленький и толстенький, сейчас он показался Олегу выше и сильнее, чем выглядел.

– Сын мой, все мы слабы духом. Мало из нас таких, кто вот так возьмет и признается, что был не прав. Гораздо проще сослаться на обстоятельства. И даже намекнуть, что вообще-то сохранил верность старым идеалам, когда-то взбунтуется.

Олег искренне удивился.

– Зачем?

Священник взглянул остро, отвел взгляд, потом сказал с прямоотой:

– Из жалости. Из сочувствия. Из нежелания сказать неприятное. А такая правда не просто неприятна, она тебя ранит, вижу. Этот Перун, как ты его назвал, не сказал правду из... сочувствия.

– Лицемер? – удивился Олег. – Так вот какое оно, христианство? Раньше Перун никогда не врал!

Священник поерзал взглядом по полу, оставляя там пятна, наконец, поднял глаза на Олега, прямо и спокойно. Взгляд абсолютно уверенного в своей правоте человека.

– Сын мой, – сказал он мягко, – это щекотливый вопрос. Давай в него не углубляться. Не всегда следует говорить правду. Да, вера в Христа... на самом деле это не вера, а учение, но для непосвященных мы говорим мягче – вероучение, а для совсем простого народа – вера в Бога. Но ты-то понимаешь, что это строгое учение, на основе которого мы пытаемся улучшить саму природу человека. Ведь понимаешь?

Олег помедлил с ответом. Священник, с виду туповатая деревенщина, совсем не прост, если это понимает и облакает в такие простые и понятные для паствы слова. Конечно, сам до такого не додумается, но в том и сила церкви, что даже вот таких простеньких учит мыслить и говорить правильно.

– Я много видел учений, – произнес он уклончиво. Видя недоумение на лице священника, пояснил: – Я побывал в Святых Землях, где изучал многие... учения, верования, религии... Все берутся улучшить природу человека. Все улучшают природу человека. Но я пока еще не увидел решающего перевеса ни у кого...

Послышались быстрые шаги, Олег улыбнулся священнику, развел руками, мол, обращение язычника прервано на самом интересном месте. Из темноты выбежала запыхавшаяся Лилит, водопад иссиня-черных волос крупными локонами падал на плечи и на спину, пара прядей часто поднималась в такт бурно вздымающейся груди под блузкой с низким вырезом.

– Вот ты где! – воскликнула она с негодованием. – Здравствуйте, святой отец!.. Олег, ты чего от меня спрятался? Думал, не найду?

Олег развел руками, показывая священнику, что, когда появляется женщина, это вообще конец света, а не только умным речам, обнял Лилит, и так в обнимку они удалились в темноту. Священник вздохнул, перекрестился. Показалось очень символическим, что эти двое ушли во мрак, словно во тьму безверия.

Лилит мурлыкала и прижималась к Олегу так, что ее тело словно растекалось по нему, наполняя сладким теплом и негой. Он вел ее, слегка обнявши за плечи, узкие, но по-женски округлые и мягкие, пальцы инстинктивно сжались, прочувствуя горячую нежную плоть. Лилит замурлыкала и прижалась еще сильнее, он пробормотал:

– А ты точно... не суккуб?

Она хихикнула:

– Что, уже сталкивался?

Он помотал головой.

– Было такое в жарких землях, когда с Томасом вышли из Святых Земель. Но, правда, мне повезло.

– Это как?

– Все бросались на него, – пояснил он. – А мне оставалось только бить их по затылкам. Крылатым отрывал их порхалки... Не вскидывайся, я же знал, что отрастут... со временем.

Она засмеялась, вскинула голову и посмотрела ему в лицо влюбленными глазами.

– Знаешь, если бы я была совсем молоденькой, я бы тоже бросилась на шею... или не на шею именно такому вот, как твой благородный и такой милый друг.

– И что, эти суккубы молоденькие? – спросил он с сомнением.

Она вздохнула, плечи чуть поникли, а голос стал печальным:

– Нет, это все старое поколение. Новое, увы, не приходит на смену. Так что суккубы, несмотря на их бессмертие, обречены... А что не поумнели, то... ты в самом деле полагаешь, что женщина должна быть умной?

Он содрогнулся, словно внезапно попал под ледяной водопад.

– Нет, упаси от такой...

Она прищурила прекрасные лиловые глаза.

– Значит, не считаешь меня умной?

Он затряс головой.

– Нет, конечно! Зачем тебе такая глупость?

– Быть умной – глупость?

– Для женщины, – пояснил он.

– Значит, я дура?

Он вздохнул.

– Разве я сказал так? Я сказал, что зачем тебе быть умной, когда ты мудрая? Мудрость – намного выше, чем какой-то ум.

Она улыбнулась, сказала с удовольствием:

– Вывернулся. Но вывернулся изящно, это я в мужчинах ценю.

Он пробормотал:

– За галантностью – к Томасу. Он когда-нибудь лопнет от переизбытка учтивости.

Она оглянулась, засмеялась, он посмотрел в ее глаза и, как в зеркале, увидел, как Томас, не стесняя себя в выражениях, гоняет коня по двору, приучая слушаться. Лилит тоже поняла, что он прочел в глазах все, что она подумала, засмеялась счастливо такому редкостному взаимопониманию, ухватила его за шею, пригнула, поцеловала.

– Ты хоть знаешь, где наши покои? Нет?.. Так куда же бредем, наугад?

– Встретим кого-то, – пробормотал он, – спросим.

Она засмеялась.

– Подожди одну секунду!

Ее тело вспыхнуло и, превратившись в огонек, метнулось вдоль коридора и пропало вдали. Олег замедлил шаг, но не остановился, мысли привычно пошли по глубокому руслу, на этот раз толчком послужил разговор с этим простеньким священником, который явно внимательно слушал лекции в своем богословском университете. Хотя на такого маленького и толстенного девки не больно обращали внимание, так что мог в самом деле учиться прилежно и усваивал знания, как губка.

Всякие ветви буддизма и конфуизма его не интересовали, статические вероучения, стремящиеся к постоянному равновесию, все новое отвергают. А вот ислам потряхнул мир не случайно, религия молодая, сильная и очень напористая. Не случайно была такая победная поступь, что никто и нигде не мог противиться. Всем казалось, что ислам вот-вот захватит весь мир, Европа была в панике, страны ислама торжествовали, но удар был нанесен с той стороны, откуда никто не ожидал: очень хорошо образованный иудей Эбн-Альсоди Сабай принял ислам и, став одним из лидеров, расколол мусульман на суннитов и шиитов, тем самым положив начало бесконечной междоусобной войне и навсегда остановив победную поступь ислама по всему миру.

Дошло до того, что осмелевшая Европа нанесла ответный удар в виде крестовых походов. Правда, это уже мелочи, интересующие каких-нибудь императоров или королей Европы, куда интереснее тенденции развития ислама, его сильные и слабые стороны. Прекрасный запрет пить вино и жрать свинину, большая ошибка – запрет на изображение живого.

Эту мысль надо развить глубже, напомнил он себе, и вернуться к ней не раз. Рисование – великое благо, это неустанные упражнения для мозга, куда более необходимое, чем ежедневные изнуряющие схватки воинов на тупых мечах, стрельба в цель или борьба...

Что-то выскользнуло из темноты и в мгновение ока оказалось у него на груди. Он едва успел подхватить жаркое нежное тело, налитое восточной негой и страстью, что вобрала в себя весь зной раскаленных песков. Жаркие губы одарили его смачным поцелуем.

Он отплюнулся, шлепнул по заднице, удерживая на одной руке.

– В следующий раз – удавлю! Еще раз кинешься вот так – удавлю. Потом на себя пеняй.

Она томно промурлыкала ему на ухо:

– Но сейчас не удавил?

– Задумался, – сказал он, оправдываясь. – Не успел. Не сообразил. Даже сейчас не понимаю, как это ты успела... Я всегда замечал...

– И удавливал?

– И удавливал, – ответил он серьезно, – если вот так неожиданно.

– Это хорошо, – сообщила она. – Не знаю почему, но мне нравится, что удавливал. И нравится, как держишь на руках. У тебя нежные руки, знаешь?

Олег тут же разжал руки, Лилит едва успела выпрямить ноги. Но глаза ее все равно смеялись, Олег чувствовал, что в этой игре ведет она, а он уступает и уступает, еще даже не зная, в чем уступает, но все-таки уступает.

– Пойдем, – шепнула она. – Все уже спят.

Темные залы переходили один в другой холодные и сырые, под сводами слышался шорох летучих мышей, пронзительные сквозняки гуляют во всех направлениях. Лилит вела уверенно, это Олег сразу же уединился с сэром Эдвином, она такой ерундой не занималась, и сейчас, когда переступили порог небольшой уютной комнаты, она с ожиданием посмотрела на Олега.

Кроме широкого роскошного ложа, куда уж без него, есть и широкий стол, два удобных кресла, кожаный диван, все стены увешаны красочными гобеленами. У ложа на полу огром-

ная медвежья шкура. На столе массивная чернильница и несколько гусиных перьев в высоком металлическом стакане.

– Уютно, – признался он. – Именно то, что... требуется.

Лилит довольно заулыбалась. Остатки одежды соскользнули с нее как бы сами по себе, Олег едва не зажмурился от непривычного сочетания девственной чистоты и невинности и безукоризненности плоти, созданной именно для утех, для страсти. Лилит стояла перед ним в свободной позе, не стараясь ни втянуть живот, ни поднять груди, все и так абсолютно совершенно, в глазах пляшут веселые смешинки, знает власть своего зовущего тела, перед которым устоять невозможно ни одному мужчине.

– А ты ничего, – заметил, наконец, Олег. – Ладная. И сиськи хороши, ничего не скажешь...

Он зевнул, с отвращением стянул через голову и бросил на спинку кресла роскошное сюрко. Так же с неудовольствием разулся, башмаки теперь на нем добротнo выделанные и с вышивкой, снял брюки и отправил вслед за сюрко. Снова зевнул, почесался, рухнул на ложе, а уже оттуда посмотрел на обнаженную женщину.

– Слушай, если не храпишь, то можешь ложиться со мной. Бить не буду.

– Уверен? – спросила она с сомнением.

Он зевнул.

– Может быть. Разве что не с той руки зайдешь...

Она легким танцующим шагом приблизилась к ложу, в глазах насмешка сменилась недоумением. Олег встретил ее взгляд широкой улыбкой.

– Только уговор, – предупредил он, – одеяло не стягивать. И не лягаться.

Она села, подождала, но его руки не стали хватать ее и мять жадно, тогда она осторожно легла рядом, стараясь не коснуться, снова выждала чуть, повернула голову. Он ответил бесстыдной ухмылкой.

– Ну что, – произнес он сонным голосом, Лилит не могла ощутить, насколько это натурально, – будем спать?

– Что? – спросила она, не веря своим ушам.

– Ты же сама сказала, что уже поздно, – напомнил он, – куры спят, собаки спят. Даже тараканы спят.

Она повернулась к нему всем телом, ударила кулаком по груди, он не успел вспикнуть, как она оседлала и сказала с возмущением:

– Спать? Так я тебе и дам спать!

Их глаза встретились, она рассмотрела в зеленой глубине затаенный смех и ощутила, что впервые ее обыграли. Странно, осознание этого наполнило ее счастьем и непонятным покоем.

Глава 7

Дыхание постепенно выравнивалось, она с трудом расцепила руки и упала с ним рядом на увлажненные простыни. Широкая грудь с рыжими волосами блестит от пота, волосы прилипли, как будто их вдавили в клей. Могучая рука оказалась под ее щекой, там быстрыми толчками двигается кипящая кровь, тяжелая, как расплавленный свинец, рядом бурно вздымается, с треском раздвигая ребра и натягивая кожу, грудь, а живот запал так, словно отшельник проворонил не только ужин, но и весь день просидел в келье за умными книгами.

– Ты дикарь, – прошептала она, – ненасытен, как... даже не знаю, кто. Но я люблю тебя, рыжее чудовище.

– Это ты чудовище, – ответил он все еще хриплым голосом. – Я перед тобой просто зайчик.

– Ну да, зайчика...

– Вот-вот, серенький такой.

– А можно, беленький?

– Можно, – согласился он. – Беленький зайчик. А ты – тигра лютая.

Она повернулась на бок, пощекотала ресницами ему руку. Хорошо так лежать спокойно и бездумно, но мужчин в это время обычно охватывает жажда деятельности, им кажется нелепым вот так лежать и ничего не делать, теперь бы на коня и меч в руку, Лилит вздохнула тихонько, чтобы рыжее чудовище не заметило, спросила с наигранным интересом:

– Ты можешь мне сказать, чем вызван твой интерес к этому милому рыцарю? И его родне?

Он подумал, буркнул:

– Ну и вопросы ты задаешь...

– Чем они плохи?

– Тем и плохи, – ответил он с неудовольствием, – что ты, хоть и красивая, но не дура.

Она улыбнулась, польщенная.

– Значит, угадала?

– В какой-то мере.

– В какой?

Он проворчал:

– Ты угадала, они мне в самом деле весьма... интересны.

– Как люди?

Он снова вздохнул.

– Лучше бы ты была только красивая.

– Я и есть только красивая, – возразила она. – Ума у меня нет, правда. Это другое, интуиция. Я же вижу, что ты к ним присматриваешься. Куда больше, чем просто к попутчикам.

Он слегка напряг бицепс, ее голова поднялась так, что лежать стало неудобно, однако терпела, и Олег расслабил мышцы. Лилит устроилась поудобнее, забросила на него ногу, голову придвинула поближе, на предплечье.

– Они больше, чем попутчики, – сказал он наконец. – Они... новый мир. Совсем новый.

Лилит сказала осторожно:

– Ты видел сотни, если не тысячи миров. И все они отличались один от другого... совсем мало.

Он буркнул:

– Да ничем не отличались. Но этот – совсем иной цветок. Пока дикий, как терновник, но из терновника терпеливые садоводы вывели дивные прекрасные розы!.. А ты отличие этого мира еще не заметила?

Она вздохнула, снова пощекотала ресницами ему руку, с удовольствием замечая, что он ощутил, оценил.

– К сожалению, мой дорогой рыжий зверь, долгая жизнь не дает ни особых знаний, ни какого-то особого превосходства. Да ты и сам знаешь... Правда, ты сумел развить особые способности, но как быть тем, у кого их нет?.. Эти и через тысячу лет будут такими же, как и в сорок. Потому как сами люди не смогли сдвинуться с того уровня, на каком пребывали сотни тысяч лет, так их не могли сдвинуть подвижники вроде тебя... не обижайся! Я теперь понимаю, что Бог оставил мне долгую жизнь для примера. Все могут увидеть, долгая жизнь не прибавляет мудрости.

Олег сказал успокаивающе:

– Да ладно тебе! Мы знаем, он оставил тебя как лучшее из всех своих творений.

Она лукаво улыбнулась.

– А не человек ли самое лучшее?

– Человек – самое нужное, – возразил он серьезно. – Даже, возможно, необходимое. Хотя трудно предположить, что Богу что-то может понадобиться, но я не христианин, могу смотреть со стороны и говорить правду.

Она охнула.

– Олег, ну ты и наглец! Как может Богу что-то понадобиться? Да еще от... им же сотворенного из праха?

Олег проворчал недовольно:

– Откуда я знаю? Да вот чувствую... Мы ведь тоже могли бы и дальше собирать корешки в лесу, выковыривая голыми руками. Но вот придумали лопату... Возможно, для Бога мы инструмент, с помощью которого тоже хочет копать глубже.

– Ну и наглец, – повторила она потрясенно.

– Я такой, – согласился он и дерзко ухмыльнулся. – По образу и подобию.

– Значит, – повторила она, все еще не веря в услышанную наглость, – он с помощью людей хочет сделать то, что не в состоянии сделать сам?

– Ну да. Что-то в этом роде. Ладно, спи, а то уже светает. Договорились, одеяло не стягивать!

– И не лягаться, – пробормотала она послушно. – А то удавишь, помню.

Некоторое время она лежала тихо, прислушивалась к его ровному дыханию. Выждав, спросила шепотом:

– Почему не спишь?

– Не знаю, – ответил он негромко. – Недостаточно устал, мысли всякие...

– Грубый ты, – упрекнула она. – Хотя бы соврал, что тебя волнует мое присутствие... Ого, в самом деле волнует!

– Да это я так, задумался, – объяснил он неуклюже, однако Лилит уже отшвырнула одеяло и снова оказалась на нем, прижалась всем горячим чувственным телом, он ощутил, как жар перетекает в его тело, и без того раскаленное, будто вынырнул из кипящего масла. Она припала к его губам, и хотя Олег никогда не любил целоваться, какое-то глупое занятие, но сейчас ощутил странную сладость, от которой по телу побежали щекочущие мурашки.

Руки их сплелись, она охнула, закусил губу, выгнулась, мышцы напряглись в болезненно-сладкой истоме. Она чувствовала, как гаснет разум, а власть над телом берет древняя мощная сила, намного более сильная, грубая, могучая, не знающая преград.

Потом, когда дыхание у обоих шло с хрипами, а грудные клетки жадно вздымались, хватая открытыми ртами воздух, они долго лежали, медленно и неохотно возвращаясь в этот приземленный мир. За окном все еще темнота, зря Олег пугал ее близким рассветом, лишь тоскливо замыкала далеко внизу разбуженная корова, да еще донесся слабый волчий вой.

Лилит повернулась к нему, снова забросив ногу ему на живот, чуть ли не на грудь, голову пристроила на могучем бицепсе. Прошептала тихонько потерянным голосом:

– Я уж думала, что меня ничем не удивишь. И все мужчины всегда будут намного слабее и проще меня...

Он проговорил лениво:

– А разве не так? Томас так восхвалял твоё древнее происхождение, но никак не решался сказать, насколько оно древнее. Думаю, у него просто язык не поворачивался. Примерзал. А то и вся кровь замерзала, как у лягушки в декабре.

– Ну и что, – сказала она. – Сколько их было, этих мужчин, но никого я не признавала даже равным! И ни один так и не стал моим мужем.

Он хмыкнул.

– А этот, как его... Азазель?

Лилит возразила оскорбленно:

– Мужем? Нет, никогда!

– Но я как-то читал в старых хрониках...

Она фыркнула:

– Мало ли что набредут!.. мужем у меня может быть только тот, кого я сама признаю, что он сильнее.

Он спросил с недоверием:

– И что же, за все время с начала создания мира...

Она скромно опустила веки, тень от длинных ресниц упала на бледные щеки.

– Ах, Олег, тебе в это трудно поверить? Мне – тоже. Да, за все время с начала создания света я не встретила никого сильнее. Мужчин было много, верно, но сильнее... Не забывай, кто меня создал!.. А все остальные существа – это уже, как понимаешь, прах от праха...

Он взглянул остро.

– Но я тоже прах.

Помолчал, она выговорила с трудом:

– Именно это я и говорила себе все время. Повторяла и повторяла. Убеждала, что ну никак не можешь быть сильнее. Ну не может человек самостоятельно так раздуть в себе искру, что станет ярче чистого света, из которого создана я!

Он слушал, слегка кивнул, развел руками.

– Ну, я тоже так думаю.

Она возразила:

– Это не так! Ты – сумел. Не знаю как, но сумел. Первым сделал то, к чему так стремился Творец, на что он рассчитывал, создавая то, что считает шедевром. И как странно... даже причудливо, что его покорные ученики мрут, как мухи, а ты – бунтарь, не признающий Его вообще... сумел... сумел первым... Олег, ты хоть понимаешь, что ты – Первый?

Он покачал головой, зеленые глаза блеснули злостью, в голосе прозвучал нешуточный гнев:

– Не понимаю и не принимаю. Я не хочу быть ни первым, ни последним в чьем-то войске, цели которого мне чужды и непонятны. Спи, а то удавлю!

Он отвернулся, выбравшись из-под ее ноги и высвободив руку, схватил скомканное ногами одеяло и укрылся до плеч. Лилит выждала, прильнула тихонько к его спине, чувство умиротворенности и защищенности тут же разлилось по телу, она заснула сразу и очень крепко.

На другой день от сэра Торвальда, отца Томаса, Олег узнал, что во все королевства уже отправлены гонцы, и вскоре на похороны короля, который так неудачно связал свою судьбу с Тайными, начали прибывать короли соседних стран или близкие из королевской родни, а

также бароны и знатные сеньоры. Первым прибыл с небольшой дружиной на быстрых конях король Фафнир, по старому обычаю кони не подкованы, хотя теперь англй сражаются обычно в тяжелых доспехах, отсутствие подков не прибавляет коням скорости, только вредит копытам. Правда, на этот раз даже король, не говоря уже о телохранителях, прибыл без доспехов, надев поверх свитера лишь легкую кольчугу.

Прибыл Азнавур, он тоже, как и Фафнир, из дальнего королевства, а последними начали въезжать в город, как водится, те, кто живет совсем рядом. Столица постепенно заполнялась богато одетыми вельможами, в гостиницах и на постоялых дворах подняли цены.

Покойный король, как он понял с удивлением, пользовался уважением среди рыцарства и симпатией у простого народа. Он был свойский король: почти никого не обижал, соседей не притеснял, воевать не любил, предпочитая проводить время в пирах и на охоте, а если его кто задевал, старался отделаться шутками. Споры решал миром, у него в королевстве всегда был урожай, так что нередко помогал соседям либо зерном, либо мукой, позволял рубить свой лес, где деревьев все равно не уменьшается.

Больше ни рыцарям, ни народу знать не полагалось, это только в последней смертельной схватке удалось узнать, какой ценой он все это заполучил. Но из деликатности принято было считать, что король погиб по нелепой случайности, когда ночью возвращался с охоты, а на него напали разбойники, приняв за богатого купца. Для спокойствия в королевстве короли и правители должны выглядеть чистыми и непогрешимыми.

В этой ситуации для спокойствия страны глупо и бесполезно было бы вкаты о том, как на самом деле погиб король, а для будущего короля, кем бы он ни был, присутствие Томаса будет более чем нежелательным, Томас кипел от ярости, уже в замке он дал волю гневу и горько жаловался отцу на неблагодарность и вероломство сеньоров.

Отец кротко поддакивал, уже не тот грозный воин, каким Томас привык его видеть, и лишь однажды напомнил, что вероломными были изначально, ведь если бы он не прибыл в самый последний момент, замок был бы захвачен...

Глава 8

Олег проводил время с сэром Эдвином в библиотеке. Дядя Томаса ликовал, встретив удивительно образованного и знающего человека, так он, к великому удивлению и возмущению Томаса, называл Олега. Олег, правда, совершенно не интересовался книгами, но подолгу беседовал с дядей, выясняя его отношение к тем или иным событиям. Причем, как заметил даже Томас, Олега не интересовали битвы, сражения, набеги, лихие захваты земель и даже королевств, он с каким-то странным интересом выспрашивал дядю о его понимании роли христианства.

Томас приходил в ужас: дядя Эдвин, по его мнению, слишком вольно трактует Святое Писание, чувствуется, что слишком рано оставил ратную службу. Закон Божий – то же самое, что воинский устав, его нужно исполнять строго и неуклонно, какие бы сомнения и соблазны ни заползали в душу. Тем более что заползают не сами, это проклятый Враг Рода Человеческого следит за каждым шагом и только и думает, как бы поднасрать, в смысле соблазнить, сбить с пути истинного, отвлечь, уговорить отдохнуть, отдаться простым удовольствиям, что доступны и корове.

Лилит в замке освоилась мгновенно, рыцари и слуги сперва цепенели от ее вольностей: для нее ничего не стоило спуститься в кухню и помогатьстряпухам готовить обед, а через несколько минут она входила в кабинет сэра Торвальда, где он беседовал с рыцарями, и, сев на колени к Олегу, томно обнимала его за шею. Наряды ее всегда бывали настолько вольные, что мужчины краснели, как юные девушки.

Томас, спасая ситуацию, объяснил, что Лилит – дочь короля одной восточной страны, очень могущественной и богатой, с высоты ее положения и древности рода она почти не видит разницы между простолюдинами и знатными сеньорами. Тех и других при ее дворе всегда тысячи тысяч, потому ее надо принимать такой, какая она есть, и выказывать ей достойные ее знатности знаки внимания и уважения.

Это прояснило многое, а Лилит в самом деле настолько божественно или дьявольски хороша, здесь мнения расходились, что никто из рыцарей и не подумал бы усомниться в ее самом высоком положении. Да и статус Олега в их глазах заметно подрос, все видят, что Лилит буквально светится от счастья, когда смотрит на этого угрюмого отшельника... который на отшельника в этой одежде похож мало, а больше на владетельного сеньора, уставшего от войн и сражений.

Но близился тягостный момент расставания, Томас сказал с достоинством:

– Отец, я не могу оставаться. Всяк в королевстве знает, что меня выбрали королем, а потом вдруг не допустили до трона!.. Будут возникать щекотливые ситуации. Конечно, я готов драться с каждым, кто ухмыльнется или не так посмотрит в мою сторону, но... сэр калика говорит, что это будет выставять меня в еще более смешном виде.

Олег скорбно кивал, соглашался, взглядом призывал согласиться и сэра Торвальда. Тот ответил прямым понимающим взглядом. Для рыцаря не страшно погибнуть в поединке, доблестно умереть за честь дамы или защищая короля, а вот оказаться смешным – ужасно. Сэр калика знал, на что поймать доблестного Томаса.

– И еще, – сказал Олег хмуро, – если остаться, то... это никогда не кончится. Вы понимаете, о чем я.

Отец повернулся к сыну.

– И что ты надумал?

Томас кивнул в сторону молчащего Олега.

– Наш лохматый друг, который и Британию, оказывается, исходил лучше, чем мы свой скотный двор, уверяет, что на этом острове... представляешь, он великую Британию называет

островом, гад!.. так вот здесь великое множество королевств, и почти везде больше удобств: стратегических, тактических, торговых... Какие-то земли лучше защищены, где-то богатые залежи руд, где-то лучше земли, а где-то хоть места и пустые, но там могут возникнуть богатые и могучие центры...

Отец спросил невесело:

– Судя по твоему состоянию, ты готов отправиться немедленно?

– Отец, – сказал Томас горячо, – я покидаю не из трусости наш родовой замок! Я хочу доказать, что сильный и благородный человек и на пустом месте может создать нечто достойное!

Сэр Торвальд покосился в сторону Олега, тот равнодушно смотрел в окно, где сокол гонялся за воронами. Те каркали и прижимались к земле, рассчитывая, что храбрый дурак в запале не рассчитает удар и разобьется о землю.

Сэр Эдвин поинтересовался:

– Маршрут уже наметили?

Томас кивнул в сторону скучающего Олега.

– Мой лохматый спутник... ну и что, если костюм сменил?.. уверяет, что уже наметил достойный и благородный путь для рыцаря с незапятнанной репутацией.

Сэр Эдвин повернул голову с вопрошающими глазами к Олегу. Тот вздохнул, вяло развел руками.

– Как вы помните, сэр Эдвин... по книгам, понятно, ваши предки англй вместе с саксами, разгромив бриттов, что уже стали местными, создали знаменитые семь королевств. Ну, Суссекс, Эссекс, Уэссекс, Иссекс... тьфу, Заксэкс, Нортумбрия, Мерсия и несчастная Восточная Англия, для которой с ходу не придумалось своего имени, а потом уже стало как-то все равно. Все семь королевств как стремились господствовать над другими, так и сейчас стремятся. Вторгшиеся с материка норманны разгромили англов и саксов, ставших на этом острове местными, но раскладку сил это не изменило...

Томас поморщился.

– Ты всегда очень сложно и длинно говоришь. Норманны тоже местные. Давно. Попроще можно?

– Мы вполне можем двинуться из Суссекса в Иссекс, – объяснил Олег.

– Эссекс, – поправил Томас раздраженно.

Сэр Торвальд и сэр Эдвин печально вздохнули.

– Да хоть Череззассекс, – отмахнулся Олег. – Главное, из Суссекса. Название какое-то поганое. Да и с королей тебя здесь погна... Словом, двинемся в Эссекс. Неужели непонятно?

– Непонятно, – отрезал Томас.

– Что непонятно?

– А зачем именно из Суссекса в Эссекс?

– Все ваши королевства соперничают одно с другим, – объяснил Олег, – и часто вообще бьются, как бараны на мосту. Особенно – Эссекс с Суссексом, больно похожи, а близнецы всегда дерутся чаще. Думаю, тебе окажут радушный прием. Хотя бы для того, чтобы хоть на одного меднолобого ослабить проклятый Суссекс, где одни клятвопреступники, осквернители могил, хриstopродавцы и ростовщики...

Томас возмутился:

– Это где у нас такое? Зато в Иссексе... тьфу, Эссексе...

– А в Эссексе говорят, – объяснил Олег, – что в Суссексе. Но это все неважно, брань на ворота не липнет. Главное, что в Эссексе тебя примут с распростертыми объятиями. Что в твоём пинаемом положении совсем не лишнее.

Томас надулся, что-то слишком часто калика напоминает, что поперли из королей, а в первый день страшился и намекнуть, явно что-то замышляет, на то и язычник, даром шагу не сделает, слова не скажет, пальцем не шевельнет, все пакости доброму христианину строит.

Сэр Торвальд тяжело вздохнул, голубые глаза, совсем как у Томаса, только еще светлее, подозрительно заблестели.

– Мы будем ждать вестей, сынок, – сказал он просительно. – Как только выберешь место, где осесть, тут же пришли весточку.

Ночи теплые, вобравшие за солнечный день тепло и расходующие скупое, чтобы хватило до утра. Звезды горят загадочно мигающие, но часто налетала целая стая светящихся бабочек, что выглядели звездным роем, носились суматошно из стороны в сторону, а между ними сновали быстрые бесшумные тени нетопырей.

Оттуда, из ночи, иногда доносился тоскливый заунывный рев, в замке тут же шептали молитвы, хватались за нательные крестики, плевали через левое плечо. Иногда вой казался душераздирающим, иногда – счастливым, победным.

Ночью налетела злобная туча, даже не туча, а целый массив туч, одна над другой, сперва молнии сверкали между ними, гулко грохотал гром, священник отважно вышел во двор и принялся отгонять крестом, дурак. Между тучами вспыхивал багровый огонь, разверзались бездны, Олега пронизывал страх и восторг одновременно, эти пылающие бездны выглядят как проход в иной мир, но жуткие раскалывающие небо удары грома напоминали, что не человеку держать.

Он остался на открытой площадке, дождь хлестал по голове косыми струями, а внизу весь двор превратился в грязно-желтые бурлящие потоки, понесло мусор, комья травы, птичьи гнезда. Со всех сторон пелена дождя, исчез не только дальний лес и поля, но уже и неба не видно, только стены серого шатра со всех сторон да желтый от размокшей глины поток.

Странно остро пахло огурцами, серую мглу периодически разрывает ветвистая молния, похожая на светящиеся корни исполинского дерева, а следом раздавался треск такой ужасающей силы, что он глох на какое-то время.

На кончиках флажков и флажков на башнях скачут искры, потом рассмотрел даже не искры, а едва заметные серебряные нити, что тянутся вверх, а там размываются во мгле.

– Господи, – прошептал он в темноту, – когда же я познаю этот странный мир... Ну, когда?

Замер, поймав себя на том, что впервые обратился, пусть даже просто так, к этому новому символу, на который с великой надеждой обращены взоры как простых людей, так и серьезных мыслителей.

Олег придиричиво осмотрел, как кузнецы расчищают копыта гуннских коней и подковывают для дальней дороги, рядом в оружейной спешно ремонтируют и подгоняют части доспехов, Томас отказался от замены своих боевых, в которых прошел весь крестоносный путь, хотя на самом деле менял так часто, что уже и сам забыл, где добыл последний раз, но звучит благородно и красиво: «весь крестоносный путь», и он так говорил, ибо благородные люди больше обращают внимание на изысканный и благородный подбор слов, чем на грубую действительность, которую они описывают.

Отец пытался уговорить Томаса надеть самые красивые доспехи, но Томас выбрал намного менее броские, но из хорошей стали, без всяких узоров. В них рыцарь не будет привлекать особого внимания и вызывать зависти у рыцарей победнее. И пусть не трудно побить этих дураков, польстившихся на его коня и доспехи, но с них-то как раз взять нечего, а они чем-то повредить и задержать путешествие могут.

В оружейной Олег осмотрел доспехи и мечи, фыркнул и вышел на залитый солнцем двор. Из часовни почти выбежал и заспешил к нему священник, все так же прижимая к груди книгу, круглое лицо с блестящей тонзурой в бисеринках пота, дыхание частое, словно отбил сотню земных поклонов.

– Сын мой, – сказал он торопливо, задыхаясь, – фух... мы в прошлый раз не договорили...

Олег удивился:

– В самом деле?

– Ну да, – заверил его священник, – душа твоя встревожена была, в смятении, мы говорили о святом таинстве...

– Вот уж никогда не подумал, – сказал Олег озадаченно. – Или у меня память совсем ни к черту?

– Не поминай имя Врага рода людского, – воскликнул священник. – Сын мой, мы все наслышаны о той неоценимой помощи, что ты оказал сыну хозяина этих владений...

Он не сказал, как сразу заметил Олег, «нашего хозяина», священник точен даже в обычных словах, вообще речь строит грамотно, чувствуется образованность человека, отказавшегося от мирских утех и посветившего себя духовной жизни.

– Ну, – проворчал Олег, – это неважно. Че ты хотел?

Священник даже вздрогнул от приглушенного рыка, но не отступил, свободная от книги рука описала широкий полукруг в сторону часовни.

– Не хочешь ли, сын мой, зайти в эту святую обитель, где незримо присутствует Святой Дух... и послушать о таинстве крещения? Мне кажется странным, что ты все еще язычник. Это, мягко говоря, удивительно в уже полностью христианском мире...

Олег проворчал:

– Ну хоть не сразу на костер. И то спасибо.

– Ни один язычник не был сожжен на костре, – живо возразил священник. – Эта мера применялась только к своим отступившим братьям, что отринули веру Христа и предали душу дьяволу. И активно вредили добрым христианам. И не отреклись от заблуждений.

Олег отмахнулся.

– Да это я так. Вам эти костры еще припомнят. Скажут, что все лучшее жгли, а говно оставляли. Народ у нас такой, позлорадствуют! Знаешь, дружище, прости, но твои разговоры и нравоучения мне... неинтересны. Лучше пойду служанку какую напоследок завалю на сено. Тоже ничего нового, но почему-то интереснее... Как думаешь, почему? Ах, черт, у меня же теперь такая подруга, что хрен кого завалишь...

Священник торопливо перекрестился и перекрестил Олега.

– Не призывай Врага рода людского, – повторил он с укором. – Плотские утехи просты, потому к ним и тянет простой народ... а в глазах Господа мы все простые. Но ты же видишь, что все страны приняли учение Христа? И всякий молится?

– Я, – ответил Олег, – не всякий, святой отец. К тому же ваш Гисленд – еще не все страны. Одно тебе могу сказать, патер, оставь свои попытки спасти, как ты считаешь в своей наивности, мою грешную душу. Сегодня-завтра уедем, а ты постарайся забыть про упорствующего грешника, чтобы не смущать сомнениями собственную душу, ибо человек ты хороший, совестливый и, как вижу, старающийся понять, почему и как.

Он похлопал ошарашенного священника по плечу, едва не пришибив незримо сидящего там крохотного ангела-хранителя, подмигнул и удалился тяжелой крестьянской походкой, хотя не крестьянин, не воин, не священнослужитель, не торговец, а что-то странное, объемное, всеохватное...

Священник торопливо прочел первые слова воскресной молитвы, ощущение огромности момента медленно испарилось, однако он вернулся в часовню и на всякий случай постоял на коленях, моля просветить и подсказать, как жить и поступать правильно.

Глава 9

Весь замок жил приготовлениями к отъезду сына хозяина, доблестного сэра Томаса, Олег же побродил по залам, перекинулся парой слов с челядью, наконец, выбрался на задний двор, где чьи-то заботливые руки создали настоящий цветник из клумбы: в центре роскошные пурпурные розы, а вокруг великое множество самых разных цветов.

Над головой прокричали галки, пчелы в полном безветрии сонно переползают с цветка на цветок, не утруждая себя расправить крылья, а шмель так и вовсе заснул, уцепившись всеми шестью лапами в мохнатый цветок, такой же желтый, полосатый и пушистый.

Олег в задумчивости смотрел на пляшущих по цветкам крохотных человечков с крылышками. В народе утверждают, что, когда прогремела величайшая из битв, Господь провел генеральную чистку рядов своего воинства, низринув с небес Люцифера и его команду. Те, понятно, пробили земную твердь и попали туда, где сейчас и находятся. Но еще больше было тех ангелов, которые не приняли участие в великой борьбе, а продолжали наслаждаться жизнью на земле. Творец брезгливо велел им отныне навеки оставаться там, где они находятся. Так появились феи озер, ручьев, рек и морей, лесов и рощ, даже отдельных деревьев, а также феи гор, воздуха и прочего-прочего.

Вспыхнул короткий свет, Лилит возникла возле клумбы с самым невинным видом, в платье с низким вырезом и подолом... Впрочем, когда она села возле цветов, подол задрался намного выше колен. Олег вздохнул, но с наслаждением опустил голову на горячие колени, а ее нежные пальцы перебирали ему волосы, чесали, ковырялись в ушах, он довольно похрюкивал, поворачивался. Попеременно подставляя уши и остро жалея, что их у него всего два.

Томас не сразу отыскал Олега, а когда увидел в такой позе, замедлил шаг и пугливо огляделся: не лучше ли отступить незаметно, однако калика уже заметил и приглашающе помахал рукой. Томас приблизился, старательно отводя взгляд от голых коленей Лилит. Только сейчас увидел, что калика рассматривает с таким вниманием, не понял причины интереса, вроде бы не совсем уж и дурак, а засмотрелся на этих абсолютно неинтересных существ, кузнечики и то смешнее.

Олег перехватил взгляд, сказал задумчиво:

– Мне кажется, Творец этих вот презирает гораздо больше, чем тех, с кем воевал, как думаешь? Тех не презирает, а уважает, как противников, у которых есть убеждения, доводы, принципы. А эти так... простолюдины.

Томас переспросил с недоумением:

– Простолюдины?

– Ну да, они слишком просты. Живут, как мотыльки, среди которых порхают. Для Творца они просто неинтересны. Они не противники, как для тебя не противники всякие там дятлы или выхухоли...

Томас покосился на Лилит, она ехидно улыбается, спросил с подозрением:

– Это что за выхухоли?

– Да так, зверьки такие. Так вот, как для тебя выхухоли...

Томас прервал:

– Знаешь, лучше что-нибудь другое.

– Что? – спросил Олег с непониманием.

– Ну, не знаю... Пусть еще одни дятлы.

Олег отмахнулся.

– Да ладно, чем тебе выхухоль не нравится? Хороший зверь...

– Сам ты выхухоль, – обиделся Томас. – И дятел!

Олег осторожно уточнил:

– А дятел при чем?

– При том, – ответил Томас злорадно. Он убрал пальцы с пояса, гордо отвернулся. – Дятел, дятел!

Олег проводил его удаляющуюся спину остановившимся взглядом. На лице оставалось мучительное недоумение. Лилит откровенно хихикнула.

– Ты что-то понимаешь? – спросил Олег с надеждой.

– Нет, – ответила Лилит с нежностью, ее пальцы ласково перебирали ему волосы, распутывали пряди. – Нет, конечно. Ох, Олег, не все нужно понимать.

Она почти видела, как на Олеге моментально выросла толстая бронированная шкура, отросли рога. Не меняя позы, он незримо встал в боевую стойку быка, перед которым помахали красной тряпкой.

– Как это не все?

– А так, – ответила она хладнокровно. – Что-то нужно чувствовать. Во что-то нужно верить.

Он моментально сдулся, как винный бурдюк, из которого широкой струей вылилось вино, на лице крайнее отвращение, отмахнулся с таким разочарованием, что Лилит расхохоталась.

– Что не так? – буркнул он.

Она наклонилась и поцеловала его в нос.

– Олег, я не враг. Я ни в чем не стараюсь тебя убедить или переубедить. Я – на твоей стороне. Просто говорю о том, что... есть. Ты же знаешь, что целые империи, которые строили свое могущество на знании, рассыпались без следа. Как и те, которые рассчитывали только на военную силу.

Он поглядел в ту сторону, где скрылся Томас.

– Ты хочешь сказать...

Она помотала головой.

– Я? Ты шутишь? Я могу только чувствовать. Как собаки чувствуют приближение грозы. Вот так же чувствую в тебе непомерную мощь.

Он спросил с подозрением:

– А Томас? Мы говорили о нем.

– В нем тоже есть мощь, – призналась она. – Не такая прямая и ясная, как в тебе, но у него тоже есть нечто внутри очень... ценное. И, догадываюсь, опять же как собака, что именно это в нем и заинтересовало тебя. Ладно, молчи, молчи! Мне признаваться не надо.

Отец и дядя предложили помощь в подготовке к путешествию, Олег вежливо, на диво вежливо поблагодарил и сказал, что раз уж поедут вдвоем – Яра и Лилит останутся ждать, когда Томас обоснуется на новом месте, – то мужчинам прилично ехать налегке. Он посетил кузнеца, оружейника, еще раз проверил, как подковали коней для дальней дороги, отобрал сухого сыра, орехов, сушеного мяса, вина выбрал самые легкие, только чтобы можно было пить вместо болотной воды в дороге.

Томас в этих вопросах положился на отшельника: все же сообразил, что при всем богатом крестоносном опыте у калики опыта странствий побольше. Как на конях, так и на драконах, на дельфинах, на рыбах и вообще пусть занимается этими делами, не рыцарское дело вникать, что слуги покладут в дорогу.

Сэр Торвальд старался быть полезным в сборах, а когда сын проверял боевое снаряжение перед дорогой, зашел в его комнату грустный и довольный в одно и то же время. Кивнул Олегу, тот рассеянно наблюдал за кропотливыми приготовлениями рыцаря, уж очень много доспехов, обратился к сыну с тайной гордостью в голосе:

– С тобой рвутся ехать все рыцари! Тебя любят, сынок. Отбери с собой тех, кого считаешь достойным для себя в пути.

Томас покачал головой.

– Спасибо, отец. Но мы едем вдвоем. А тебе понадобится здесь каждый человек. Мало ли что.

– Не скажи, – возразил отец. – Когда ты вернулся, многие рыцари восхотели служить под твоей рукой.

Олег усмехнулся.

– А когда возвели на трон...

Томас раздраженно покосился в его сторону, отец же сказал поспешно:

– Это ни при чем!

– Ладно, – откликнулся Олег вяло, – мне как-то все равно. Но если кто-то будет вместо нас седлать и расседлывать коней, разжигать костер в пути... почему не взять двух-трех парней?

Томас возразил с достоинством:

– Сэр калика, ты не совсем понимаешь сути рыцарства. Рыцари вовсе не затем, чтобы разжигать для тебя костер.

– Да? – спросил Олег с сомнением. – Значит, не умеют?

– Умеют, – ответил Томас с раздражением. – Они все умеют!

– Тогда бери, – разрешил Олег. – Если придется заночевать в лесу или в дороге, пригодятся.

Отец посмотрел на Олега с благодарностью.

– Твой мудрый... спутник прав, сынок. А ты сохрани себя для великих дел.

– Нет, – отрезал Томас. – Отец, ты знаешь закон отряда: любой двигается со скоростью самого медленного. Я не хочу ползти там, где мы можем промчаться! А ни у кого здесь нет таких коней. Прости, но это даже не обсуждается.

Сэр Торвальд вздохнул, развел руками.

– Видите, – сказал он, обращаясь к Олегу, – он всегда так... И в крестовый поход отправился один, хотя я уговаривал взять отряд.

Томас холодно усмехнулся.

– Вспомни, когда я вернулся, твой замок осаждали! Если бы я увел с собой хоть человека...

Олег не стал дослушивать, утреннее солнце уже ласково греет голову и плечи, быстро и умело прикрепил фляги с вином на запасного коня, еще погрузил меховой спальный мешок, котелок для приготовления ухи, а также прочие мелочи, чтобы не чувствовать неудобств, когда придется ночевать в лесу или в поле.

Томас под тяжелый панцирь надел кольчугу из булатных колец, а поверх доспехов накинул на плечи свой поношенный плащ. Шлем пока решил не надевать, пристроил сзади за седлом. Из оружия распорядился приготовить рыцарское копье, меч Громо-бог и два кинжала.

Яра держалась с поистине королевским достоинством, ей и Лилит предстоит ждать в замке, пока сэр Томас отыщет новое место, где будут его владения, замок и откуда продлится славный род Мальтонов. Лилит шепталась с Олегом, все видели, что язычник спокоен, а это значит, ничего особенного не произойдет, ведь могучий язычник тоже отправляется с сыном их хозяина. Олег еще беседовал с Лилит, когда конюхи вывели ему коня.

Томас сам вывел своего боевого друга о четырех копытах, оруженосцы укрыли жеребца кольчужной сетью, легкими доспехами, цветной попоной, а седло водрузили на спину особое рыцарское с высокой задней лукой, чтобы воин при таранном ударе не вылетел вверх тормашками. Томас поднялся в седло, меч у пояса, щит у седла, плащ с красным крестом красиво ниспадает с плеч. Ему подали длинное копье, челядь восторженно закричала, когда небрежно подбросил в воздух, поймал и легко потряс, словно прутиком.

Яра сняла с шеи голубой кисейный платок, лицо ее оставалось спокойным и торжественным. С прямой спиной, красивая и полная чувства собственного достоинства, она подошла к Томасу, он наклонился, ее руки повязали ему платок на шею. Челядь снова ликующе заорала, захлопали в ладоши, в воздух взлетели шапки.

Томас воздел очи к синему небу, где появились первые кучерявые облачка, сказал громко и внятно:

– Клянусь не снимать этого платка, пока не завоюю новое владение, еще большее, чем Гисленд! Да будет мой обет нерушимее британских скал, да накажет меня Пречистая Дева, если хоть на шаг отступлюсь от клятвы!

Отец и дядя смотрели встревоженно, но ни один не подал виду, что обеспокоен таким суровым и опасным обетом. Отец первым подошел и обнял сына, благословил, затем мать поцеловала и перекрестила, обнял дядя. Священник по настойчивому побуждению Томаса скрепил обет нерушимой записью.

Олег покосился на Яру, она стояла, застывшая, бледная и с решительным лицом, взгляд прям, поза истинно королевская. Сэр Торвальд обратился к ней с легким поклоном:

– Леди Яра, это в рыцарском обычае...

– Я знаю, – прервала она. – Вы что, намерены меня утешать?

Он несколько смешался:

– Я просто хочу объяснить...

– Я ценю вашу заботу, – ответила она ровным контролируемым голосом, – но я знаю благородные законы рыцарства, которыми руководствуются истинные мужчины. Мой муж отправится в Эссекс и добудет себе владения, а я дождусь, когда он пришлет за мной. Я нисколько не сомневаюсь, что все это он сделает.

Сэр Торвальд перевел дыхание, а сэр Эдвин за его спиной пробормотал:

– Поразительное присутствие духа... А сколько знатных дам даже королевской крови падали бы в обморок, визжали или бросались на шею своим мужьям, умоляя не оставлять их...

– Да, – ответил сэр Торвальд, он смотрел на Яру с великим уважением. – А подумать только, из какого медвежьего угла... Гм, да-да, ее княжество больше не только нашего королевства, но и всей Британии, отсюда и величие тамошних князей... Дорогая Яра, я клянусь, что вы будете окружены всем почетом, который заслуживаете, и никто и ничем не заденет вашей чести! Порукой тому мое слово, и потому даю торжественный обет...

Яра быстро прервала:

– Достаточно обетов!.. Я нисколько не сомневаюсь, что мои права здесь будут соблюдены. Позвольте мне еще раз обнять мужа...

Олег наблюдал со снисходительной усмешкой, в голове вертятся разные мысли, звучат разные голоса, спорят, все добывают истину, он уже научился следить за этим процессом несколько отстраненно, влезая только в критических случаях, когда уж совсем уйдут в сторону, а то и вовсе заспорят о бабах, на эту тему соскальзывают всегда почему-то с необыкновенной легкостью.

Он взобрался на коня спокойный и равнодушный, замок этот ему такой же, как сотни других, ничего родного, а деревья везде одинаковые. Томас вскинул руку, далеко у привратных башен заскрипел ворот, лязгнули и завизжали цепи.

Тяжелая решетка из толстой закаленной стали медленно поползла вверх, открывая дорогу из замка.

Глава 10

Олег посматривал на Томаса искоса, стараясь, чтобы тот не видел пристального взгляда, иначе сразу же спина еще прямее, взгляд тверд и решителен, суровые складки у рта, готовность ответить ударом на удар, даже если этот предполагаемый удар только предполагаемый, но все равно отвечать нужно сокрушительно. Правда, и в остальное время Томас все так же тверд и непреклонен, и только в редкие мгновения его можно увидеть таким, какой на самом деле: ребенком в теле взрослого человека, иногда восторженным, иногда растерянным и даже испуганным, но изо всех сил старающимся не выказать ни страха, ни растерянности, ни какой-то другой слабости, семь самых худших из которых вообще названы смертными грехами.

Другой мир, напомнил себе Олег. Мир, в котором человеку отказано в праве быть естественным. Мир, в котором человек должен быть таким, каким он... быть должен. И потому Томас, входя даже в пустую комнату, держится так, словно вдоль стен сидят незнакомые рыцари и смотрят на него очень внимательно. Так же точно ведет себя и женщина благородного сословия: хоть дома, хоть на прогулке держится так, будто на нее смотрит множество людей.

Мир обетов, если можно так сказать. Впрочем, почему нет? Ведь этот рыцарский мир – мир обетов. И не только рыцарский: все сословия дают клятвы и призывают Господа в свидетели, что выполнят то-то и то-то или сделают то-то и то-то. От короля и до последнего простолюдина люди соблюдают посты в определенные дни, а что это, как не демонстрация власти духа над плотью?

Кроме частных обетов, существуют еще и общие, как, скажем, предприятие, вызванное благородным порывом освободить Гроб Господень от неверных. Тысячи и тысячи рыцарей, а также других людей, благородного и неблагородного сословия, давали обеты отправиться в Святые Земли и пролить кровь в сражениях за правое дело, первыми ворваться во вражеский лагерь или через пролом в крепостной стене, водрузить знамя на башне или на замке противника. Все соревновались в обетах, которые ничего им не принесут, как сказал бы человек предыдущего мира, только раны, увечье, а то и смерть, зато имеют целью пользу Отечества, церкви, победы Запада над Востоком.

То, что Яра, согласно рыцарским обычаям, повязала Томасу на шею свой платок, по нынешним меркам, почти ничем не обязала и не затруднила ему жизнь. Во всяком случае, на взгляд Олега, с платком на шее ничуть не обременительно, а в ряде случаев даже полезно: когда едешь по лесу, за воротник не сыплются сосновые иголки и всякий сор, всегда есть чем вытереть потный лоб, а в гостях – высморкаться.

Другое дело, что большинство рыцарей налагают на себя куда более строгие ограничения: не смотреть левым глазом, пока не будет выполнен обет, носить на ноге цепь, стальной браслет на руке, черные ожерелья или что-то еще, причиняющее неудобства. Собственно, это все та же борьба с плотью и возвышение духа, так ярко и отчетливо проявившиеся в этой ветви развития цивилизации: аскеты демонстрируют волю и силу духа тем, что не моются по десять лет, не стригут ногти и волосы, отшельники – что живут в пещерах и питаются медом и акридами, а рыцари – что сражаются за честь, справедливость, а никак не за личную выгоду, как было в прошлых цивилизациях.

Конечно, сволочей и хапуг предостаточно и в этом мире, но они как бы вне закона, во всяком случае, здесь осуждаемы алчность, похоть, корыстолюбие и прочее, прочее, смотри семь смертных грехов и семьдесят просто неприличных для достойного человека грехов и грешков.

Томас тоже поглядывал на Олега, тот едет слишком уж погруженный в думы, а ведь столько пережито, только что расстались с такими женщинами, есть о чем почесать языки...

Он вздохнул, напомнил себе, что он – крестоносец, а не чесун языка, пустил коня рядом и, считая удачным моментом наконец-то обратить язычника в истинную веру, заговорил о таинствах, о Божьих знаках и предназначениях, о самой сути веры Христовой.

Олег слушал невнимательно, видно, что не расстается со своими мыслями, наконец, ответил коротко:

– У Бога нет религии.

Томас поперхнулся от великого возмущения, долго кашлял, Олег дотянулся и стукнул кулаком между лопаток. У Томаса потемнело в глазах, он ткнулся лицом в конскую гриву. Когда кое-как прокашлялся, прохрипел:

– Язычник! Когда нет доводов...

– Это у христиан занял, – возразил Олег. – Это у вас, чуть что – сразу в рыло!

– У нас дискуссии!

– Да, – согласился Олег, – видывал я эти... дискуссии. Особенно между катарами и арианами. Между альбигойцами и пуригонами тоже нехилые. И все из-за того, что Богу не хватает стойкости характера. Да еще и твердых убеждений. Ему следует быть католиком, арианином или альбигойцем, да неважно кем еще, все равно, – но не стараться поспеть сразу всюду.

Томас хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Лицо посинело от чудовищного богохульства, и в то же время не мог ответить достойно, калика уел, ткнув в очевидные разногласия между церквями, диоцезами и даже епархиями.

Он крепче стиснул древко копья, поклявшись себе, что это не последний разговор. Христианин не может позволить, чтобы ему было хорошо, а ближний страдал во тьме неверия и невежества. Калика еще услышит от него пламенные слова о Творце, которые прольют свет в его мохнатую душу!

Олег про себя посмеивался, краем глаза наблюдал за исполненным благородного негодования рыцарем. Сколько помнит этого кривляку, всегда держит спину прямой, нижнюю челюсть выдвинутой, а взгляд снисходительно любезным. Никогда не позволяет другим увидеть себя таким, какой он на самом деле...

Мелькнула ироничная мысль, а какой этот рыцарь на самом деле? Может быть, какая-нибудь редкая сволочь? Да еще со склонностью истязать детей и мучить женщин?

Мысль вообще-то дикая, уже достаточно долго знает Томаса Мальтона из Гисленда, благородного потомка благородных предков, которые гибли, топили и которым благородно рубили головы по облыжным обвинениям, но все равно повертел эту дикую мысль так и эдак, помял, пощупал, сколол наросты, содрал накипь, а в глубине засияла совсем крохотная и простая мысль, зато ясная и четкая: а какая тебе разница? Для тебя, как и любого члена общества, важно именно как ведет себя человек. Как держит, а не какой есть на самом деле. Если за всю жизнь никого не обманет и не обидит, то важно ли другим, что в глубине души редкостная сволочь, только прикидывается хорошим человеком? А вот если хороший и честный человек, не сдерживая своих порывов, будет тебя крыть матом, время от времени давать в рыло, блевать в твоём доме, приставать к твоей женщине... то не лучше ли в друзьях иметь воспитанную сволочь, чем такого вот искреннего и честного?

Христианство сделало ставку на то, что раз Бог видит тебя постоянно, то от Его взора ничего не укроется. Сам Бог не требует, чтобы человек был чем-то необыкновенно хорошим, понимает, что «хорошесть» определяется набором неких правил. И вот христианину предъявляется их для выполнения намного больше, чем язычнику, тем самым делая все общество христиан выше, чище и благороднее, чем дохристиан. Во всяком случае, задумано, чтобы общество христиан было выше.

Томас придержал коня, Олег поравнялся с ним, Томас спросил с некоторым беспокойством:

– Ты не помнишь, какой сейчас день?

Олег посмотрел на небо.

– Ну, вообще-то солнечный.

Томас сказал раздраженно:

– Я не о том!

– А, – понял Олег, – на завтра погоду знать хочешь? Думаю, эту недельку дождей не ждать...

Томас рыкнул раздраженно:

– Что ты мне о погоде? Рыцарь должен совершать подвиги во славу церкви и своих дам в любую погоду! Не прикидывайся, что не понимаешь. Я спрашиваю о действительно важном: сегодня день постный или скоромный?

Олег посмотрел с удивлением, но Томас предельно серьезен, а на лице такое внимание, будто от того, скоромный день или постный, зависит успех всего предприятия. Да что там предприятия: дело за куда более важным – быть человеком или стать свиньей?

– Извини, – произнес он, – я по своей дикости не допер. Это ж в самом деле важно!

Томас не уловил сарказма, напыжился, сказал покровительственно:

– А как иначе? Человек, не соблюдающий установленных правил, – уже не человек, а дикий зверь вроде свиньи или вороны. Или язычника, блуждающего во тьме невежества.

– Да, – согласился Олег, – правила нужно соблюдать, а праздники непременно праздновать со всем ликованием и смакованием... Вот, к примеру, такой замечательный христианский праздник, как Обрезание Господне...

Томас медленно повернул к нему голову, окинул взглядом сверху вниз, хотя вообще-то в седлах на одном уровне.

– Это что за хрень?

– Праздник, – повторил Олег отдельно, – Обрезание Господне. Кстати, как ты его празднуешь?.. Расскажи подробности, а то я как язычник только слышал, а не присутствовал.

Во взгляде рыцаря появилась холодность, потом отстраненная брезгливость. Контролируемым голосом, преисполненным презрения и вящего достоинства, он произнес отдельно:

– Калика, ты что-то путаешь.

– Я? – удивился Олег.

– Ты, – отрезал Томас. – Нет такого праздника.

– Как же нет? – запротестовал Олег. – Ежегодно проводится на восьмой день после Рождества. Я понимаю, тебя часто бьют по голове тяжелым, потому у тебя что-то спуталось, что-то перевернулось, а что-то и вовсе забылось. Давай напомним тебе, я ж добрый: «На восьмой день после Своего Рождества Господь наш Иисус Христос, по ветхозаветному закону, принял обрезание, установленное для всех младенцев мужского пола в знамение Завета Бога с праотцем Авраамом и его потомками...» Это я шпарю по памяти, а если тебе нужна ссылка, то это в Бытие, 17, 10—14; Левит, 12, 3, ну, ты все понял, да?.. Я так и думал. Хорошо иметь дело с образованным христианином. Мне нравится твое выражение лица, сэр Томас! Я вообще-то в восторге. Дальше: «...При совершении этого обряда Божественному Младенцу было дано имя Иисус, возвещенное Архангелом Гавриилом еще в день Благовещения Пресвятой Деве Марии. По истолкованию отцов Церкви, Господь, Творец закона, принял обрезание, являя пример, как людям следует неукоснительно исполнять Божественные установления. Господь принял обрезание для того, чтобы никто впоследствии не мог усомниться в том, что Он был истинным Человеком, а не носителем призрачной плоти, как учили некоторые еретики».

Томас слушал, набывчившись, на калику смотрел исподлобья, с недоверием, но усомниться не посмел, отшельник так мелко не играет, у него ловушки более глубокие и хитрые. Наконец поморщился с такой брезгливостью, словно увидел пьяную женщину.

– Господи, Олег!.. – произнес он с высоты седла, словно с небесного трона. – Ну, ты совсем как дите. То ихний Христос, а то наш – британский!.. Ихнего пусть всего наобрезают,

это не наше дело, а чтоб нашего Христа да обрезали, как сарацина?.. Кто б такого Христа у нас принял?

Олег смотрел пристально, словно подозревая, что доблестный рыцарь шутит, а это то поле, куда он предпочел бы не вступать, однако лицо Томаса абсолютно серьезно, в глазах несокрушимая вера в свою правоту.

– Ну, – пробормотал он в затруднении, – вообще-то ты прав. Просто я как-то не додумался до такого... Дурак я все-таки местами. Как леоперд. Это зверь такой. Вроде кошки.

– Видел, – кивнул Томас довольно. – Ты вообще-то спрашивай, спрашивай! Я тебе всю Библию разъясню.

– И я узнаю много нового, – согласился Олег. – Сколько живу, всегда удивляюсь. Британская Библия – это что-то, уже вижу. Хотя, конечно, гм... как это доблестные рыцари приняли своим Богом еврея...

Томас нахмурился, сказал зло:

– Сэр калика, я уважаю твои великие знания... но здесь ты сильно ошибаешься!

– В чем?

– Не еврей, – ответил Томас твердо, – не еврей он вовсе!

– Но как же, – ответил Олег ехидно, – как же не еврей?.. Я тебе что говорил только что про обрезание? Христа вашего обрезали, вам вроде бы тоже надо обрезываться, только вы то ли трусите, то ли еще что...

Томас слушал с надменно-брезгливой миной, глаза сузились, а нижняя челюсть выпятилась, как таран боевого корабля. Когда Олег умолк, сказал удивленно:

– Ну и что?.. Мы, христиане, при чем?

– Как что, – удивился Олег, – разве тебе этого мало? Или будешь спорить с самими учениками Христа, которые сами евреи и ходили за ним следом, записывая каждое слово?.. Он и проповедовал сперва только среди своих, в синагогах...

Томас наморщил лоб, явно вспоминая проповеди боевого прелата, спросил с недоумением:

– Это когда он бушевал там, как пьяный копьеносец, переворачивал столы с деньгами менял, лупил и выгонял продавцов голубей?

– Вот-вот, – сказал Олег злорадно.

Томас в удивлении вскинул брови.

– Так какой же он еврей?.. Нет, сэр калика, ты сильно ошибаешься. Он никакой не еврей. А вот распяли его евреи!.. Как раз за то, что он не еврей, хотя вроде бы еврей.

Олег помотал головой.

– Погоди, погоди. Что-то я тебя не понимаю. Как это не еврей, хотя вроде бы еврей?

– А что тут понимать, – ответил Томас победно. – Все ведь и так понятно. Или тебе еще нет?

Олег посмотрел на него с подозрением.

– Нет, не понятно.

– Бедный, – сказал Томас с сочувствием. – Что значит язычник. Ну ты ничего, спрашивай, спрашивай!

– Спасибо, – поблагодарил Олег искренне. – Ты в самом деле помог.

Глава 11

Дорога сузилась, Томас поехал впереди, Олег отстал, чтобы не глотать пыль, время от времени поднимал взгляд от конской гривы на маячащую впереди прямую фигуру на красивом коне. Гуннский конь, дикий и свирепый, словно бы набрался от рыцаря манер, идет красиво и благородно, лишь изредка потряхивая гривой, а копыта переставляет в некоем ритме, словно в танце. А рыцарь так и вовсе будто подставляет себя всем на обозрение: смотрите, как надо ехать, как держаться, как выглядеть добрым и благостным.

Тоже в какой-то мере гуннский конь, мелькнула ироническая мысль. Наполовину дикарь, наполовину облагороженное христианством существо, потому такая гремучая смесь. И еще при всей тупости и невежестве в его словах странная... ну, не сказать, что правда, это слишком сильно, но что-то есть. А вот что, сразу сформулировать не удастся, хоть и просто необходимо.

Правда и то, что только первые христиане были евреями, затем вероучение подхватили римляне, которые к евреям вовсе не были расположены. И в первую очередь подхватили как раз самые забитые рабы и самые просвещенные философы. Почему рабы – понятно, но философы...

Он поморщился, это раздражало и раньше, но привык отмахиваться, не все же приняли, Сенека, к примеру, погнушался... Правда, Сенека к тому времени достиг весьма преклонного возраста, в таком взгляды обычно не меняют. Но немало римских философов приняли христианство, рассмотрев в этом нелепом и противоречивом учении то зерно, из которого при определенной удаче и титанических усилиях можно вырастить будущее.

А будущее вот оно: впервые храмы не сами по себе, как было всегда, а с центром в одном месте, где кипит работа вроде бы по упорядочению и развитию учения Христа, а на самом же деле все создается заново, лишь прикрываясь его именем, как известным баннером, под который охотно собираются знатнейшие и храбрейшие рыцари...

Павел, вспомнил он. Павел создал христианство. Маленький лысый толстенький человек, ухитрявшийся ходить сгорбившись, косноязычный, как и Моисей, именно он сумел создать эту сверхмощную организацию, он отделил группу иудеев, верующих в Христа, и назвал их христианами. Он написал для них четырнадцать книг из всех двадцати семи Нового Завета, так что он основной автор и идеолог Нового Завета, он заложил основные постулаты христианства, только благодаря ему оно не осталось одной из многочисленных сект, а быстро превратилось в мировую религию.

Это Павлу, иудею и одновременно римскому гражданину, удалось не только самому усмотреть зерно во всей этой чепухе, но и выделить его для римской ученой знати. Зерно в том, чтобы не просто начинать новые отношения между людьми, это бывало и раньше на уровне отдельных чудаков, именуемых то философами, то дураками, в зависимости кто чего смог достичь, а на уровне основы, платформы, фундамента, на котором строится новый мир... очертаний которого они еще, понятно, не знали. Так, смутно чувствовали, что может что-то получиться. Надеялись. Ведь все остальные пути, что объявлялись единственно верными хоть в старом и мудром Китае, хоть в Индии, хоть в землях Персии, – все ведут к застою. С теми религиозными системами и через сто тысяч лет Китай будет все тем же Китаем, а Индия – Индией, все так же йоги будут стоять на голове, а факиры дудеть перед змеями... а вот здесь впервые нарождается нечто действительно новое.

И если те римские философы сумели увидеть такую возможность, то Христос, условно, не иудей. Вернее, как сказал этот меднолобый, он не иудей, хоть и иудей. Странно, что такая меднолобость бывает права там, где пасуют мудрецы, изучившие целые библиотеки древних мыслителей и вероучителей.

Когда солнце достигло зенита, а доспехи даже под легкой накидкой накалились, Томас королевским жестом распорядился насчет привала. Его многочисленное войско в лице отшельника принялось высматривать удобное местечко для отдыха. И хотя то там, то здесь виднеются домики, Томас ворчливо заявил, что мужчины не должны искать удобств, а христианам так и вовсе приличествует смирение... и да, отсутствие удобств. Вон Иисус вообще в хлеву родился, а как мир тряхнул!

Олег не спорил, еще бы не понять, почему рыцарь старается не попадаться людям на глаза, свернули в небольшую дубовую рощу, что просматривается насквозь, там и полянка, и ручеек, и сочная трава до пояса, есть где коням и полакомиться, и поваляться.

Томас как лицо благородного сословия пошел напиться и сполоснуться в холодной воде, Олег разложил на чистом полотенце захваченную из замка еду. От трав и деревьев одуряюще пахнет, над головой натужно гудят пчелы. По ту сторону ручья огромный полустгнивший пенёк, можно рассмотреть кишаших красных муравьев. Тельца блестящие, как застывшие капли янтаря, горят красными огоньками, многие муравьи приподнимаются на длинных лапах и поводят усиками высоко в воздухе, словно шупают что-то невидимое.

Ручеек выбивается из-под корней трех берез с их атласно-белой аристократической кожей, красиво подчеркнутой мелкими пятнами, удивленно и радостно вскрикивает мелкая птичка над головами, на вершинах берез насмешливо прокричали галки, наблюдая, как рыцарь пьет, стоя на коленях, потом снимает панцирь и плещет водой в лицо.

Когда Томас вернулся и жадно набросился на еду, Олег уже вяло жевал сыр, потом лег навзничь и забросил руки за голову. Взгляд его рассеянно скользил по нависающим ветвям, там стада простолюдных тлей жадно сосут сок, а рыцари-муравьи дают им защиту от всяких хищников, за что благодарные тли снабжают их сладким соком.

Томас проследил за взглядом калики, сказал многозначительно:

– Берегись мухи, которая сидела на дохлой змее.

Олег подумал, перевел озадаченный взгляд на довольного высказанной мудростью рыцаря.

– Это ты к чему?

Томас хотел было ответить что-нибудь еще мудрое, но не шло, сказал честно:

– А не знаю. Слышал где-то, понравилось. Умность такая, сложная. И красивая.

Олег поморщился.

– А меня как раз всегда раздражают пустые мудрствования и слишком пространные толкования одного и того же слова. Особенно утверждения суфиев, что каждое слово несет в себе не меньше семи значений, потому, дескать, человеку очень трудно понять другого человека. Даже невозможно!.. Я по своей натуре – отыскиватель простых и ясных ответов, чтобы ясны были не только мне, но и простым людям. Ну там королям, императорам, рыцарям, коровам... Иначе как заставить людей сдвинуться с места, повести на гору, если даже непонятно, чем заманиваешь?

– Ну и... – спросил Томас настороженно.

– Однажды, – ответил Олег со вздохом, – я пришел к одному старому раввину, он писал комментарий к пятидесяти второму тому Торы, и сказал, что готов принять его веру, если сумеет растолковать все их заманчивые догматы, пока стою на одной ноге.

Томас спросил заинтересованно:

– И сколько суток ты простоял? Или недель?

Олег сдвинул плечами.

– Он подумал и сказал: «Поступай с другими так же, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой. Это и есть вся наша вера, а все эти пятьдесят томов... и будут еще!.. только толкования к этой формуле». Признаюсь, мне понравилось это изящное и глубокое построение, хотя и малоприменимое... Кстати, оно ж потом было положено Христом в его вероучение... но вот

сейчас я присутствую на трансформации и этой замечательной формы в нечто такое, что мне начинает в самом деле нравиться. Нечто хоть и христианское, но применимое.

Томас нахмурился, больно довольный вид у волхва, спросил с растущим подозрением:

– Во что?

– В основу западного понятия христианства, – пояснил Олег.

Томас сказал на всякий случай:

– Это что за христианство такое западное? Мы не еретики!

– Упаси Боже, – сказал Олег. – Всеобъемлющая формула: «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой» – в западном христианстве стала звучать так: «делай с другими то же, что собираются сделать с тобой, – бей первым». Можно даже точнее: «Делай с этими сволочами...»

Томас подумал, но ничего странного не нашел, непонятно, чем калика так веселится, сказал горячо:

– Вот именно, со всякими сволочами! Борись, сэр калика!.. Это в тебе бьется Сатана с теми остатками... зачатков доброго, что еще по недосмотру Божьему остались в гнусной душе язычника.

– Так кому же принадлежит Земля? – спросил Олег скептически.

– Никому, – сказал Томас горячо. – Вся Земля – это поле боя сил Бога и Сатаны. На земле живем мы, люди, а Бог и Сатана бьются не на жизнь, а на смерть за власть над нами!

Калика сказал с интересом:

– Полагаешь, мы чего-то да стоим?

– Конечно, – сказал Томас убежденно. – Мы вершина творения! Господь в нас свою душу вложил, хотя мог бы вдуть ее в слона или, скажем, льва. Он мог бы вдунуть ее даже в муравья, если бы захотел! А он после того, как сотворил нас, больше ничего уже и не пытался. Он же сам сказал, что понял, ничего лучше уже, хоть лопнет, не сотворит! Удачный день не всегда выпадает, даже если у тебя в запасе вечность. Конечно, он на человека надеется, раз так за нас бьется. В нашей войске поговаривали, что он готовит человека себе на смену.

Калика с полным безразличием пожал плечами.

– А мне показалось, да и Уриил говорил, что он уже ушел на покой. А вся тяжесть мира рухнула на нас. А плечи-то еще не окрепли. И даже самые отважные и благородные рыцари пока только отважны и благородны, да и только.

– Он не ушел на покой, – ответил Томас терпеливо, – но он ни во что не вмешивается. И не вмешается, хоть мы тресни!.. Понял? Все теперь зависит только от нас.

Олег вздохнул.

– Язычникам легче. Попроси любого из богов, тот либо сделает, либо нет. В зависимости от размера жертвы. А взять твоего христианского Бога, так мы... одни на свете?

– Бог с нами, – объяснил Томас терпеливо.

– С нами, – проворчал Олег, – если он не показывается, не помогает, то это все равно, что нет. Мы одни на свете, как... не знаю кто. Ладно, сам Бог самоустранился, но как же его мириады ангелов, архангелов и прочих-прочих? Никто не придет, не поможет?

Томас смотрел серьезно и торжественно.

– Нет, конечно.

– Ты знаешь? – спросил Олег.

– Да.

– Почему?

– Потому что это наш мир, – ответил Томас. – Когда Господь сотворил человека, он повелел даже ангелам поклониться ему как хозяину этого мира. Так что, Олег...

– Все понятно, – прервал Олег. – Нам и отдуваться. А жаль, жаль...

Томасу показалось, что калика что-то хитрит, спросил с подозрением:

– Чего тебе жаль, морда языческая?
– Как бы хотелось посмотреть, – объяснил Олег с великим сожалением, – когда с одной стороны сойдутся тьмы ангелов, с другой – демонов. Свет и Тьма, самая грандиозная битва!
– Свинья ты, – сказал Томас в сердцах.
– Что делать, всего лишь человек...
– А надо быть лучше, чем человек!
Олег вздохнул, поднялся.
– Надо, всем что-то надо... ты как, отдохнул? Нажрякался? Куда в тебя столько влазит...
Поехали, поехали!

Глава 12

Томас в который раз вспомнил раннее детство, когда он с отцом зимой шел через перевал. Ночь застала в пути. Легли прямо на снег. Он тогда положил под голову ком снега. Отец увидел, пинком выбил из-под головы: «Не разнеживайся, сынок!» Теперь он снова ощутил себя тем же изнеженным ребенком, ибо на взгляд калики, оказывается, спать можно не только на камнях, не снимая доспехов, но и стоя, как конь, разве что прислонившись к дереву, а то и вовсе на ходу.

Ехали так до глубокой ночи, а там, перекусив наскоро, Томас заявил, что готов ехать и всю ночь, раз уж кони наотдыхались в замке на неделю вперед. Олег скупно усмехнулся, но спорить не стал, он вообще показывал пример, как можно обедать и ужинать, не покидая седла, так что сперва ехал впереди, но Томас вспомнил о своем благородном происхождении, что диктует правила поведения, выехал вперед и долго маячил, залитый лунным светом, как гигантская глыба льда.

Ночь чиста, огромная серебряная луна заливают землю таким ярким светом, что отчетливо виден каждый стебелек. Свет легкий, серебристый и чистый, воздух еще теплый, но уже чувствуется приближающаяся прохлада пока еще далекого утра.

– Не думал, – заметил Олег, – что ты любитель ночных путешествий.

Томас посмотрел на него угрюмо.

– Да это чтоб тебе приятнее. Вы ж, язычники, солнца не любите! Вам ночь подавай, летучих мышей, всякую гадость...

– Оно так, – согласился Олег, – только по ночам что-то ты крадешься.

– Так для тебя ж, – заверил Томас ехидно.

– Да мне неплохо, – ответил Олег. – Я не считаю, что летучие мыши – слуги дьявола. И что луна – солнце нечестивых душ. Однако ночами больше странствуют в Святой Земле, там днем от жары можно сдохнуть...

Томас поерзал в седле, взгляд устремлен прямо на дорогу, наконец, ответил нехотя:

– Знаешь, я хотел бы проехать через владения некоторых... не привлекая внимания. Иначе моя дорога будет залита кровью, а я как правоверный христианин всякий раз скорблю о разбрызганной крови единоверца.

– Это хорошо, – одобрил Олег, – и хорошо, что у друговеров кровь зеленая.

Томас вскинул брови.

– Зеленая?

– Зеленая, – подтвердил Олег серьезно. Посмотрел на Томаса. – А что, синяя?

– Красная, – строго поправил Томас. – Красная!.. Это для того, чтобы и они могли стать добрыми христианами. А вот у лягушек зеленая кровь, это значит, что христианами никогда не станут!

– А-а-а, – протянул Олег озадаченно. Он поднял взор и посмотрел на летающих в теплом воздухе летучих мышей. – Как хорошо ты все объяснил...

– Это я умею, – согласился Томас очень довольный. – Нам полковой прелат говаривал, что я любую заповедь Христа могу втемашить в самую крепкую голову.

– Бедные лягухи, – сказал Олег печально. – Значит, им отказано в спасении... То-то припоминаю, в раю мы так и не увидели ни одной! Или ты видел?

Томас в раздражении помотал головой.

– Мне только на лягух было смотреть! Забыл, зачем мы туда вломились, как два кабана?

Олег почесал в затылке.

– Да как тебе сказать... Сейчас, когда все позади, уже думаю, зачем туда ломались на самом деле?

– Я знаю, зачем, – ответил Томас зло. – И не сбивай меня! Никаких лягух в раю не было. Это рай, а не болото!

– Для кого-то, – вздохнул Олег, – именно болото – рай. Но ты молодец, все замечаешь. Голубей, правда, много, сам видел. Все белые, белые, белые... И вся земля, над которой летают... гм... тоже белая. Вообще-то, когда смотрю на стаи белых голубей, хочется увидеть хоть одного черного. Ну ладно, хотя бы черноплекого. Или пятнистого...

Томас все ерзал в седле, разговор начинает уходить в какую-то опасную непонятность, что-то двусмысленно-ловушечное. На всякий случай снова уехал далеко вперед, но, к счастью, летом ночи короткие, вскоре восток посветлел, заалел, воздух наполнился птичьим криком, с цветов начали слезать заснувшие на них толстые ленивые шмели.

Справа от дороги показался замок из светлого камня с двумя остроконечными крышами. Он возвышается на холме, где ближе к подножию ровным кольцом пролегла довольно высокая стена. Весь холм застроен домами и домиками, а по эту сторону стен только торговые палатки вдоль дороги. На стенах иногда поблескивает, так отражается солнце в начищенных доспехах, на остриях пик или мечей.

– Бдят, – заметил Олег. – Здесь и спят с оружием? В смысле в руках?

– А как иначе? – возразил Томас. – Выпусти меч – тут же сожрут. Не меч, тебя. Правда, там леди Бенефика, очень милая госпожа, но и она старается далеко от замка не отдаляться...

– А зачем ей отдаляться? – резонно спросил Олег. – Все готовенькое прямо в замок! Или ездит по деревням, сама отбирает скот на продажу, щупает кур?

Томас фыркнул, такие глупости можно услышать только от чужеземного простолюдина.

– Это наша соседка, мы с нею в добрых отношениях. И все ее соседи с нею обращаются учтиво и с подобающим ей достоинством. Что, впрочем, не мешает ей быть осторожной и ездить на охоту только в ближайший лес или на озеро, что вблизи замка.

– На охоту? – удивился Олег. – Баба?

– Это у вас там бабы, – отпарировал Томас, – а у нас – женщины. И на охоту ездит, как все благородные господа. Утром поднимается, да будет тебе известно, наряду со своими девицами, что помогают ей одеваться и причесываться, потом идут в лесок... вон видишь зеленая полоса?... каждая берет псалтырь, четки или просто молитвенник, там садятся благочинно в ряд и усердно молятся. При этом раскрывают свои хорошенькие ротки только для благочестивой молитвы. А не для всяких перемываний косточек...

Олег кивнул.

– Да-да, поверю на слово. На рыцарское.

Томас дернул щекой и продолжал, чуть повысив голос:

– Затем собирают лесные цветы, а по возвращении в замок слушают в часовне мессу...

– А жрать? – спросил Олег. – Жрать-то когда? Или ты самое интересное пропустил?

Томас сверкнул очами.

– Дикий ты человек, если только о жратве и о жратве. Культурный человек потому и культурный, что может сдерживать свои дикарские порывы. Простолюдины сразу набрасываются на еду, а благородные умеют воздерживаться... какое-то время. Госпоже Бенефике и ее девицам только на выходе из часовни преподносят на серебряных блюдах жареных каплунов, жаворонков, кур, и лишь тогда госпожа и девицы едят, но и тогда скромно, а чаще всего оставляют на блюдах, дабы снискать любовь Пресвятой Девы, что тоже была очень умеренна в еде.

– Да я бы не сказал так, – пробормотал отшельник, но тут же замахал руками, – продолжай, продолжай! Это я так, своим мыслям.

– Богохульные у тебя мысли, – сказал с осуждением Томас. – А если богохульные, то это уже и не мысли, а черт-те что, тебя самого можно в ад. Так вот сама госпожа Бенефика утром обычно вообще не завтракает. Ну, почти, почти... Вместо этого она садится на коня... не улыбайся, она садится на иноходца, а на иноходцах женщинам ездить вполне прилично,

даже еще в красивейшей сбруе, украшенной... вообще украшенной, понял? А с нею едут уже не только девицы, но и рыцари ее замка.

– Снова в лес?

Томасу почудился в голосе калики какой-то подтекст, он сказал с достоинством:

– Нет, теперь в поля, где плетут венки, ловят бабочек и стрекоз, а также поют всякие песни...

– Какие?

– Всякие, – ответил Томас сердито. Увидев устремленный на него насмешливый взор, стал загибать пальцы: – Рондо, помпие, виррэ, баллады и... всякие еще. Нашим труверам известно много красивых и благочестивых песен, это не твой орущий непристойности край. Возвращаются к обеду, в главном зале к их приезду уже расставлены все столы. Когда садится госпожа, мажордом приглашает к столу остальных, а каждую девицу сажает рядом с рыцарем. И хотя блюда подаются самые изысканные и умело приготовленные, но главное блюдо за обеденным столом – вежливая и почтительная беседа, что ведут рыцари и девицы. Все блюдут учтивость и скромность, но тебе этого не понять...

– Да уж, – проворчал Олег.

– Это не в твои уши корм, – сказал Томас ядовито. – Ты человек дикий, а женщинам интересно узнать про учтивость рыцарей и скромность женщин. Им вращаться в этом мире, потому должно быть весьма поучительно и полезно. Так вот во время обеда все общаются за едой и питьем...

– А много пьют?

– Кто сколько хочет, – ответил Томас с достоинством. – Напоминаю, благородный человек умеет смирять дикарские порывы и потому не выпьет больше, чем... а лучше, выпьет меньше. Меньше, чем! Так угодно Пресвятой Деве, церкви и приятно тем мужчинам, которые рядом. В завершение обеда читают благодарственную молитву Господу за хлеб-соль, потом появляются музыканты, менестрели, и начинаются танцы, что длятся обычно около часа.

– Многовато, – проворчал Олег. – Но ничего, после сытного обеда – это хорошо, хорошо.

– Каждый из рыцарей танцует с девицей, потом все целуются, пьют вино с горячащими кровь пряностями и расходятся спать. А после сна все садятся на коней, пажи и оруженосцы приносят соколов, а верные егеря сообщают, где удалось выследить цапель. Госпожа выпускает сокола так ловко, что редкий мужчина сможет...

Олег вздохнул.

– Наконец-то добрались до охоты. И чем провинилась бедная цапля?

– У нее перья красивые, – объяснил Томас. – Так вот, там же на охоте достают из корзин жареных каплунов, кур, куропадок, жаворонков, жареную телятину и говядину, вино в кувшинах, все много едят, пьют, поют песни, уходят собирать цветы и возвращаются не скоро с венками. А в замок едут уже к ужину, веселые и беспечные, распевая песни...

Олег покачал головой.

– С ума сойти! Они еще и песни поют.

Он пару раз оглянулся на красивый замок, что так и располагает повернуть коня в его сторону, а там жареные каплуны на серебряных блюдах, целующиеся девицы, вино с горячащими кровь пряностями и послеобеденный сон... понятно, язычник даже представить не сможет, что после вина с горячащими кровь пряностями расходятся в одиночку. Или же язычники расходятся в одиночку, но в постель ложатся по-язычески целыми оравами...

– Господь возложил на нас, – провозгласил Томас гордо. – Так что не оглядывайся взад, не смотри по сторонам.

– Что возложил? – уточнил Олег.

Томас сказал высокомерно:

– Как что?..

– Ну да, – спросил Олег, – что возложил?

Томас оскорбился.

– Такие вопросы задаешь! Это же и так понятно.

– Дык я ж язычник, – ответил Олег коварно, – тупой, темный. Так и не понял. Ты мне растолкуй. Подробнее.

Томас выпрямился и гордо посмотрел вдаль.

– Ну вот еще! Стану я толковать такие высокие истины нехристю. Тебе достаточно знать, что Господь возложил! А мы должны нести.

– Ну знаешь, – пробормотал Олег, – я такое могу подумать, что Господь твой положил на нас... Лучше бы он на музыку положил!

– А при чем тут музыка?

– Да так, вспомнилось... Не нравится мне церковная музыка.

– Не нравится, не слушай, нечестивец, – брезгливо сказал Томас. – А все, что Господь возложил на нас, мы должны нести! Он следит за нами.

Олег вздохнул.

– Ну, если следит, дело другое. Хорошо с нашими богами, им нет никакого дела до нас, людей. Друг друга бьют, грабят, обманывают, жен уводят, скот угоняют, а к людям если и спускаются, то разве что для утех каких...

Томас наморщил нос, осенил себя крестным знаменiem, какие же это боги, так только демоны поступают, а Господь – чистый первозданный свет, он ну никак не может ходить по бабам. Ни коров у него, ни жен, ни вообще имущества...

Он всматривался вдаль, там, в оранжевом предвечернем свете величественно проступают из дымки покатые силуэты гор. Здесь, в Британии, стране болот и густых туманов, где только густые дремучие леса со столетними дубами да неспешные реки, даже такие невысокие горы – редкость, Олег с удовольствием всматривался в покатые зеленые горбики, а Томас снял шлем и перекрестился.

Олег посмотрел по сторонам.

– Это к чему?.. В смысле креститься?

– Красиво, – ответил Томас. – Благодарю Господа за красоту, которую он создал.

Легкий ветерок треплет концы платка на его шее, он уже привык и не замечает, зато Олег время от времени бросает то насмешливые, то уважительные взгляды. Насколько он помнит, вообще-то культ прекрасной дамы, возвышенной любви и верности ей рыцарей придумали не рыцари, а поэты. Правда, не из каких-то высоких побуждений, а просто потому, что странствовали от замка к замку, где первым делом восхваляли хозяйку, от которой зависело покормить их или выгнать в шею. Если же учесть, что муж обычно отсутствует по делам военным, турнирным или просто подолгу гостит у других рыцарей, замысливая какой-нибудь поход, то эти барды бессовестно воспевают женщину, до небес превозносят ее роль не только в замке, но и вообще, возводят на все пьедесталы, откуда она взирает снисходительно на всяких мелких мужчин, годных только служить ей возвышенно и нежно.

Любая хозяйка, расчувствовавшись, на дорогу даст еды, а то еще и сунет пару монет. Так что со стороны бардов все понятно, а вот то, что суровые и привыкшие к крови и жестоким сражениям мужчины охотно приняли эту дурь, поверили в нее... очень уж хотелось поверить!.. и вот теперь все рыцарство скитается по пыльным и опасным дорогам, обремененное множеством обетов, клятв, обязательств, скованное по рукам и ногам, в то время как герои дохристианского времени предпочитали ни в чем себя не связывать.

Если с точки зрения здравого смысла, то раньше были рыцари Круглого стола, а сейчас по большей части – круглых дур. Те, которые от Круглого стола, не ставили себя в смешное положение, подвязывая эти платочки, давая обеты не открывать левого глаза и прочие дура-

сти, но самое интересное в том, что не смеются над такими – восхищаются! Восторгаются, складывают о них баллады!

Он посмотрел на Томаса, сказал ехидно:

– А правда, что юные леди ценят в мужчине рыцаря, а зрелые женщины – оруженосца?

Томас нахмурился, буркнул с неудовольствием:

– Полагаю, что рыцарь ценится всеми.

– Да, – протянул Олег, – особенно христианский. Если ударить по левой щеке, то упадет на правый бок, верно?

– Сэр калика, – начал Томас строго, – не соблагоизволите ли... в смысле не соблаговолите ли...

Он оборвал речь, лицо стало строгим. Далеко впереди у моста ярким голубым цветком на зелени луга выделяется шатер. Перед шатром черное пятно прогоревшего костра, вкопанный столб, на нем рыцарский щит и шлем. В сторонке крупный конь пасется в густой траве. Из ближайшей рощи вышли двое, один с убитым оленем на плечах, второй нес лук и стрелы.

Завидев всадников, тот, что с луком, ринулся со всех ног к шатру. Спустя минуту полог отлетел в сторону, появился высокий статный рыцарь. Подбежавший оруженосец принялся затягивать на нем ремни доспехов, бегом привел коня. Рыцарь вставил ногу в стремя, не переставая оглядываться на Томаса и Олега.

Томас поморщился.

– Искатель приключений...

Олег сказал ехидно:

– А что не нравится? Разве не это главное для рыцарства?

– Сейчас просто некогда, – буркнул Томас.

Рыцарь повернул коня и загородил дорогу к мосту. Длинное копьё наклонилось, острый конец угрожающе смотрел на Томаса.

Глава 13

Оруженосец бегом принес шлем, рыцарь подхватил его свободной рукой, Томас в последний раз увидел крупное обветренное лицо с курносом носом, небольшой рыжей бородкой, забрало опустилось с неприятным металлическим лязгом.

Человек с оленем на плечах, явно слуга, добежал трусцой до костра, туша рухнула на землю, слуга упер руки в бока и принялся с огромным интересом наблюдать за будущей схваткой. Оруженосец тоже отступил, только рыцарь заставил коня сделать два шага вперед, голос из-под забрала прозвучал густой и с оттенком металла:

– Кто бы ты ни был, сразишься со мной.

Олег смотрел с не меньшим интересом, чем слуга и оруженосец. По его мнению, Томас должен послать дурака на хрен, пусть идет к ближайшему дубу и бьется в ствол железным лбом до посинения, однако Томас выпрямился и произнес так же заученно, словно читал по церковной книге:

– Пешим или конным, мечом или копьем, я готов сразиться с тобой, рыцарь. Назови имя, чтобы я знал, по ком заказать священникам заупокойную.

Рыцарь ответил надменно:

– Меня зовут Туландлер, я младший сын герцога Гартейского. Мои земли на востоке от этой реки. Там прекрасно знают мои подвиги, о них слагают песни, но теперь узнают и здесь.

Томас ответил холодно:

– Тебя собьет с коня Томас Мальтон из Гисленда, благородный рыцарь крестоносного войска, который искал и совершал подвиги в полной опасностей Святой Земле, а не на мирных дорогах Британии.

Он отъехал на добрую сотню шагов, опустил забрало, копье заняло место под мышкой. Конь ощутил знакомое движение рыцарского сапога и сорвался в галоп. Рыцарь тотчас же ринулся навстречу, даже Олег ощутил по его посадке и манере держать копье, что воин опытный, не впервые сшибается вот так, ни за что, а просто так...

Они неслись с громом и грохотом, черные комья земли взлетели над головами, как хищные вороны, плащи захлопали под порывами ветра и вытянулись горизонтально, кони храпят, копья ударили в металл, треск, лязг, кони пронеслись каждый в свою сторону, а рыцари, зашатавшись, кое-как выровнялись и поспешно останавливали дрожащих коней, потрясенных силой удара.

Томас с проклятиями выхватил меч. Оруженосец с криком бросился навстречу:

– Благородный рыцарь, в этом нет необходимости! У нас здесь запас копий именно на такие случаи...

– Пусть ублюдок защищается от меча, – прорычал Томас. – У меня нет ни времени, ни желания поединствоваться по всем правилам.

Рыцарь на той стороне едва успел выхватить меч, как Томас налетел, словно ревущая буря. Щит рыцаря задрожал от ударов и быстро раскололся, пышный плюмаж срублен, копыта тут же втоптали его в грязь, блестящие доспехи начали покрываться вмятинами, панцирь раскололся, из щели потекла алая струйка.

Рыцарь пытался перейти в контратаку, но если таранный удар копьем выучил на турнирах, то владение мечом в боевых условиях – нет, попытки поразить Томаса привели к тому, что дважды задел панцирь, в то время как его собственные доспехи покрылись глубокими зарубками, словно колода, на которой мясники неделю рубили свиные туши.

Наконец он зашатался и начал опускать меч, и, хотя поединок уже выигран, Томас с такой силой ударил мечом плашмя по шлему, что рыцарь мешком свалился под копыта своего коня. Нога запуталась в стремени, конь попытался волочить упавшего, но Олег перехватил поводья.

– Стоп-стоп, милый!.. Ты теперь наш, побереги себя.

Оруженосец со слугой подбежали к упавшему, на Томаса поглядывали со страхом, незнакомый рыцарь выглядит грозным и нетерпеливым. Томас бросил Олегу повелительно:

– Взгляни, что у них за копыя. Если есть подходящее, возьми для меня.

– Остальные поломать? – спросил Олег.

Томас чуть было не кивнул, настолько голос Олега был обманчив, но спохватился и помог головой.

– Рыцарь должен драться, иначе зачем он?

– Да, конечно, – поддакнул Олег. – Драться надо.

Тон был обманчив, Томас спросил с подозрением:

– Ты о чем?

– Да так, – ответил Олег уклончиво.

– Снова о Высоком?

– О нем, – вздохнул Олег. – Вон звери между собой не дерутся, потому и не придумали ни дубины, ни копыя, ни лука, не научились ковать железо, сеять рожь, строить корабли... Все от драчливости, все от драчливости! Страшно и подумать, что мы такое.

Он ушел шарить в шатре и за шатром, Томас дождался, пока рыцарь пришел в себя, с высоты седла осведомился с надлежащей надменной учтивостью:

– Как вы себя чувствуете, сэр?

Рыцарь ответил стонущим голосом:

– У вас не рука, а молот...

– Рад, что вы оценили, – сказал Томас. – Надеюсь, у вас нет переломов или серьезных ушибов.

– Я тоже надеюсь, – ответил рыцарь. – Побывать между молотом и наковальней и отделаться легко – это везенье. Я готов выслушать ваш наказ, сэр...

– Томас, – напомнил Томас. – Томас Мальтон из Гисленда.

– Что вы изволите наложить на меня, сэр Томас? – почтительно спросил рыцарь. – Как проигравший схватку я обязуюсь со всем смирением исполнить все, что вы прикажете.

Он кое-как поднялся и, опираясь на выщербленный меч, стоял перед Томасом с гордым достоинством. Олег вышел из-за шатра, в руках новенькое копьё, услышав слова побежденного, замедлил шаг. Рыцари на него не обратили внимания, Туландлер, младший сын герцога Гартейского, покорно ждал своей участи, Томас же наморщил лоб, перебирая в памяти подходящие случаи. Можно, конечно, сделать самое простое: велеть ему явиться ко двору отца, рассказать, что он является пленником его сына, а также отслужить при замке год-два. Или до его возвращения. Можно велеть этому вообще-то неплохому рыцарю отправиться в крестовый поход или же, если похода не предвидится, присоединиться к рыцарскому отряду, что отправляется сражаться с неверными. Можно велеть носить черную одежду до тех пор, пока не принесет в распоряжение своего лагеря голову сарацинского военачальника...

Олег видел, как Томас внезапно поморщился, словно хлебнул уксуса. Чуть отшатнувшись, он рассматривал побежденного рыцаря так, словно только сейчас увидел и не может понять, как с ним поступить.

Глаза рыцаря расширились, когда его победитель махнул рукой и сказал самым будничным тоном, даже несколько раздраженно:

– Да, собственно, какие обеты?.. Кто я, собственно, чтобы налагать их?

Он снова махнул рукой, подобрал поводья и обратился к Олегу:

– Ты уверен, что это лучшее?

– Точно, – заверил Олег. – Остальные ломались, как соломинки.

– А это сломать не смог? – спросил Томас недоверчиво.

– А что тебе бы осталось? – возразил Олег резонно. Он сунул копьё Томасу в ладонь, сам вскочил на своего коня. – Едем?

Рыцарь, видя, что они поворачивают коней в сторону реки, вскричал обеспокоенно:

– Доблестный сэръ! А как же я?

Томас сказал равнодушно:

– Да никак. Никаких обязательств.

Он пустил коня шагом, рыцарь пошел рядом, на лице великое недоумение, вскрикнул:

– Но так нельзя! Вы должны наложить на меня обет. Я вызвал вас на поединок, вы победили... Что я должен сделать как побежденный?

Томас отмахнулся.

– Ничего. У нас хватает дел...

«...чтобы не отвлекаться на детские игры», – закончил молча Олег. Он исподтишка наблюдал за обоими рыцарями, за непониманием одного и брезгливым раздражением другого. Можно бы повеселиться тайком, если бы не слишком серьезное настроение Томаса. Даже эпителию не наложил на побежденного, это же надо! Где найдешь рыцаря, чтобы не продемонстрировал свое превосходство.

Томас начал ускорять конский шаг, Туландлер тоже прибавил ходу, наконец, ухватился за стремя победителя. Лицо у него было настолько обиженное, словно ему ни с того ни с сего плюнули в лицо и вообще забросали грязью, назвали лжецом и вообще осквернителем святынь.

– Сэр! – вскричал он. – Вы не считаете меня вообще достойным?

Копыта коня застучали по дощатому настилу, Томас смотрел уже на противоположный берег, в сторону цепляющегося за стремя не повел и глазом, только бросил коротко:

– Сэр, мне до вас нет никакого дела!

– Но вы же меня оскорбили...

– Да отвяжись ты, – зло гаркнул Томас.

Он пришпорил коня, рыцарь побежал было, но упал на середине моста, его протащило немного, пальцы разжались, конь Олега с грохотом проскакал над ним, стараясь не задеть копытом.

Олег догнал на другой стороне реки. Томас ехал злой, этот Туландлер помял пластину доспеха на плече, а еще левый локоть отдает болью, слегка повредил сустав. Олег посматривал сочувствующе, но Томасу почудилось ехидство, он насупился и поинтересовался зло:

– Чего зубы скалишь? Что тебе не так?

– Все так, – ответил отшельник поспешно, – мне понравилось. Только мало. В следующий раз дерись дольше, хорошо?

– Свинья, – ответил Томас мрачно. – Хуже того – язычник.

– А ты грубый, – укорил Олег. – И жестокий. Даже бесчеловечный. Ну, пошто не дал дитяти конфетку? Ему так хотелось пострадать!

Томас зло отмахнулся.

– Хоть ты не каркай под руку.

– А что не так? – удивился Олег. – Или ты, никак, взрослеешь?

– Да пошел ты, – гаркнул Томас. – Мне нужно в Эссекс, а тут всякие задерживают...

– А-а-а-а, – протянул Олег со странной интонацией в голосе, то ли с разочарованием, то ли с одобрением, – не повзрослел, значит. Это хорошо. Взрослые... скучноватый народ. А рыцарство – это вечная молодость. Неважно, какой возраст у рыцаря. Он всегда юн сердцем и немножко старше другими местами.

Томас покосился, спросил с подозрением:

– Это какими же?

Олег уже думал о своем, переспросил:

– Ты о чем?

– Какими местами я старше? – потребовал Томас.

Олег сдвинул плечами.

– Кулаками, например. Еще грудь у тебя ширше, чем у ребенка. Да и плечи, пожалуй, тоже поболее, чем у новорожденного.

– Вот ты о чем, – сказал Томас успокоенно, перекрестился и пробормотал: – Прости меня, Пресвятая Дева, за недобрые мысли. Что-то я стал слишком подозрительный! Не к добру. Завтра заеду в храм и поставлю свечку во имя очищения и покаяния. А то рядом с таким спутником всего наберешься, как собака блох.

– Поставь, поставь, – согласился Олег. – А то в рай не попадешь.

Томас прорычал:

– А вот ты попадешь в ад!

– Я знаю, – ответил Олег довольно, – хорошо!

– Чем? – спросил Томас с подозрением.

– Во-первых, ты не будешь под ногами мельтешить, а главное – в аду у меня будет общество королей, императоров, Пап, герцогов, знатных сеньоров, в то время как рай населен одними нищими, монахами, аскетами, юродивыми, дураками!

Он откровенно скалил зубы, Томас стиснул челюсти, не зная, как ответить, что-то неправильное в Святом Писании, либо священники не так поняли или не так прочитали.

– Короли, – сказал, наконец, Томас сурово, – это короли! Они и в раю не могут сидеть за одним столом с чернью. У королей заслуги больше. Да, у них и преступления бывают больше, но и заслуги!.. А у черни ничего нет. Так что ты что-то про королей понимаешь неправильно. Они правят землями, с них спрос иной...

Он выпрямился, смотрел с достоинством вперед. Но на лицо легла печаль, а в синих глазах промелькнула темная тоска. Олег ехал рядом некоторое время молча, не зная, как утешить, все-таки из Томаса вполне мог бы получиться король, хоть и слишком честный и прямодушный, наконец, заговорил таким терпеливым голосом, что Томас оглянулся по сторонам, не повторяет ли отшельник это же самое менее грамотным, туповатым простолюдинам:

– Не короли правят миром, Томас. И даже не императоры...

– Папа Римский? – высказал догадку Томас.

Олег подумал, покачал головой.

– Нет, но тепло, тепло... Есть повыше на земле мощь, что правит и Папой Римским. Каждый Папа ступает в узком русле, справа и слева высокие скалы. И хотя впереди нет дороги, но и Папе не дано свернуть... Миром правят идеи, дорогой Томас. Идеи, вера, стремления. Но можно стремиться к тому, чтобы овладеть женой соседа, а можно – к совершенству. Всеми нами сперва движут очень простенькие желания, и только потом у некоторых просыпается нечто такое, что выше этих простеньких... Но, увы, таких людей мизерно мало. Самые же мудрые и сильные некогда образовали Совет Семи.

Томас вскинулся.

– Те гады, которые мешали нести нам Святой Грааль?

Олег поморщился, хотел возразить, но перевел дыхание и сказал кротко:

– Томас, Томас... Все мы знаем, даже дураки, как надо было поступить нам или даже королям там, в прошлом. Но никто не знает, что надо и как надо в будущем. И куда идти. И что делать. Но есть разница: Семеро Тайных все же глупят реже, чем простой народ! И ошибки их не настолько... ужасающи, как если бы на их месте оказался кто-то из нынешних королей, герцогов, баронов или простых крестьян.

Томас спросил враждебно:

– Значит, когда пытались нас остановить, то была всего лишь ошибка?

– Ошибка, – согласился Олег. – Недооценка новых реалий, что незаметно вошли в жизнь. А так вообще, Семеро Тайных делают очень благое дело. Мир улучшается, Томас, улучшается!..

– И что, это заслуга – Семерых? Или защищаешь потому, что ты сам был... из их шайки?

Олег затаенно улыбнулся.

– Просто еще раз объясняю тебе, кто на самом деле правит миром. А короли... это пешки в руках Тайных. Даже если не догадываются об этом. Потому не надо жалеть о потере королевского трона. Лучше быть вот таким свободным рыцарем, как ты, чем королем на ниточке.

Глава 14

Прекрасная вымощенная камнем дорога, достаточно широкая, чтобы проехали четыре телеги в ряд, идет на восток, рассекая леса, холмы. Звонко стучат копыта, Томас снял шлем, белокурые пряди красиво трепало легким ветерком. Олег угрюмо зыркал из-под насупленных бровей по сторонам.

Здесь, он помнил, воздух трепетал от рева многочисленных стад, озер не было видно из-за множества уток и гусей, а сейчас дикий край, словно здесь не ступала нога человека. И так по всей великой Римской империи: распаханые земли пришли в запустение, а на них выросли дикие дремучие леса.

И так – на тысячу лет.

Он поморщился, вспомнив некогда гордый Рим, владыку мира, в руинах, обезлюдивший, заросший травой и кустарником, вспомнил знаменитый Капитолийский холм, где некогда решались судьбы мира, а он увидел, как неграмотный пастух пасет там стадо коз...

Да и здесь все было не так, не так... От горизонта и до горизонта тянулись распаханые поля, пролегали широкие дороги, хоть и не римские, понятно, но просторные, удобные, с отводами для воды по краям. И дома были как дома, а не угрюмые крепости, ежечасно готовые к защите: куда приходил Рим с его юриспруденцией, там разбойников называли разбойниками и развешивали вдоль дорог на крестах, а не делали их графами, баронами и герцогами. Мир под властью Рима был безопасен. Всяк мог проехать всю бесконечную империю от края и до края, не подвергаясь нападению.

Ну, уточнил он себе, почти не подвергаясь. Совсем без разбойников не бывает, но в римском мире их истребляли нещадно и жестоко. А здесь разбойники стогонят крестьян строить им укрепленные разбойничьи гнезда, а затем собирают с этих крестьян чисто разбойничью дань...

Дорога упорно шла по прямой, несмотря на то что местность начала местами горбиться, пошла холмами, земля покрылась крупными камнями округлой формы, которые ну никак не могли остаться от разрушенных гор или скал: тех нет вблизи и в помине. Но ломать над загадкой голову Олег не стал, а когда Томас в очередной раз восхитился дорогой, указал на канавы по обе стороны:

– Это их заслуга.

Томас посмотрел с недоумением, просиял, поняв:

– Отводят воду?

– Да. Иначе давно бы размыло. Римляне строить умели... Вот только империю возвели с каким-то изъяном. И богатая, и могучая, и просвещенная, и вроде бы справедливая, все на законах и праве, но что-то не дало ей...

Томас фыркнул:

– Это мы «что-то»? Мы не что-то, а христианское воинство! Взяли и не дали!

Олег спросил кротко:

– Почему?

– А там были язычники, – пояснил Томас победно. – Вавилонские блудницы, сосуд греха и всякая хула на Бога... своим существованием. Вот наше крестоносное воинство и сокрушило нечестивцев! Теперь там наш Папа.

– Гм, – пробормотал Олег, – ну... если учесть, что ворвавшиеся в Рим вандалы были уже христианами, то... в целом верно, как ни странно. Чисто по-христиански сожгли все библиотеки, уничтожили все музеи, перебили все мраморные статуи, а уж население – все под нож, кому нужны юристы, инженеры, законотворцы, композиторы, скульпторы...

Томас, не слушая, рассматривал рощу, мимо которой едут, Олег вздохнул и подумал, что и хорошо, что рыцарь не слышит. Если и для него, благородного рыцаря, Рим пока что

смердная блудница, то что спрашивать с диких озверелых вандалов? Рушили гнездо разврата с полным осознанием правоты своего дела.

Он снова вздохнул, не желая признаваться, что в глубине души признает их полную правоту. Нужно было уничтожить. Рим достиг пика могущества, а оно привело к самодовольству и уверенности, если самые сильные, то и самые правые и правильные. К тому же у них помимо инженеров есть юристы и тщательно проработанные законы на все случаи жизни. Значит, весь мир должен принять их римский образ жизни.

– Застой, – пробормотал он под нос, – надвигался снова великий застой... Надо было сокрушить. Надо. Мне винить себя нечего...

Но перед глазами встали руины библиотек, разбитые молотами прекрасные мраморные статуи, пасущиеся козы там, где заседал сенат, верша судьбы мира, и во рту стало горько, будто пожевал полыни.

Разрушили варвары, а когда начали отстраивать, то остатки римского величия сокрушили монахи. Они прошли с молотами и раздробили статуи языческих демонов, вытащили из книгохранилищ и во имя Господа сожгли все нечестивые книги и свитки, а они все нечестивые, раз не написаны святой церковью. Они уничтожали все языческое, порой с грязной водой выплескивая и ребенка, но... лес рубят, щепки летят.

Захваченные запасы хлеба и сыра скоро кончились, но Олег, отлучаясь в лес, всякий раз приносил полную корзину малины, грибов, а также – учитывая аппетит Томаса – молодых толстых зайцев. Наконец Томас обратил внимание, что, вывалив ягоды на расстеленную скатерть, Олег всякий раз небрежно забрасывает корзину в кусты, чтобы о ней поскорее забыли, а на очередном привале снова приносит ягоды в ней же. Или в такой же.

Однажды он заметил саркастически:

– И быстро же собираешь... Или там тебя уже ждут с отборными ягодами и грибами?

– Кто ждет? – спросил Олег.

– Гномы какие-нибудь нечестивые...

Олег вздохнул.

– А, ягоды... Это пустяки. А вот с зайцами чуть сложнее.

– А как они у тебя убиваются? – поинтересовался Томас. – Когда бегут к тебе – головой о дуб? А как же вешаются тебе на пояс? Неужто сам, ручками?

– Это у тебя такие шуточки? – спросил Олег с неодобрением. – Ты думай о христианских ценностях, а не всяких там зайцах. А то странно у тебя голова устроена. Дома женщина осталась, за которой ты спускался в ад и поднимался на небеса, а тебя какие-то зайцы беспокоят!

Томас сказал наставительно:

– Женщина дома, о ней можно не беспокоиться. А вот зайцы... если они из нечистых рук... Впрочем, мы в дороге, а для странствующих Господь предусмотрел некоторые льготы. Нужно только не нагнеть уж слишком, а так вообще можно есть и некрещеных зайцев. Но молитву нужно прочесть непременно, для молитв отдельного мешка не требуется!

– Это да, – согласился Олег подозрительно быстро. Поинтересовался: – А ты много молитв знаешь?

– Много, – ответил Томас гордо.

– Какие?

– «Ave Maria», – ответил Томас гордо, – «Laudetur Iesus Cristos» и даже «Dominus, dominus... alilulia».

– Ого, – сказал Олег уважительно. – Ну и какие там слова?

Томас удивился:

– Я ж тебе сказал! Есть молитва «Ave Maria», а есть – «Laudetur Iesus Cristos». Какие тебе еще слова?

Олег протянул озадаченно и с огромным уважением:

– Извини, это я дурак, не понял... и о тебе думал... гм, прости, что усомнился!

На пятый день пути с утра поднялся туман, а вдобавок ко всему посыпался мелкий дождь, перешел в ливень. Холодные струи промочили одежду, Олег оглянулся на Томаса, однако рыцарь держится в седле ровный, как свеча, плечи развернуты, на губах снисходительная улыбка. Олег зябко передернул плечами. Гадко в промокнутой одежде, но куда же рыцарю, которому вода затекает во все щели доспехов и чавкает там, хлюпает, чмокает, а он все так же держит морду любезной и приветливой, притворщик христианский, как и все учение Христа – одно притворство...

Он привстал в седле, прислушивался и принохивался, наконец, вытянул руку.

– Там в лесу неплохой домик... Вот тропка!

Томас вскинул бровь, но, привыкши доверять дикарю, тоже дернул повод. Деревья нехотя расступались, ненадолго укрыв от дождя, зато малейшее прикосновение к ветвям обрушивает на голову и плечи целые водопады. Не слишком утоптанная тропка вывела даже не на поляну, а на небольшое поле, огороженное прочным частоколом. В середине высится прочный бревенчатый дом, из трубы аппетитно вьется синий дымок. Помимо дома виднеются еще и пристройки, из которых сразу угадывалась просторная конюшня.

Томас провозгласил громко:

– Что ж, окажем лесному жителю честь своим присутствием!

– Как же, – пробормотал Олег, – сам почти король пожаловал...

Томас услышал, поправил с достоинством:

– Не король, но благородный рыцарь сэра Томаса из Гисленда. И пусть здесь не знают, где этот Гисленд и что вообще страна зовется Британией, но христианские законы гостеприимства святы.

– Они не христианские, – уязвил Олег. – Еще Зевс бродил в личине странника и наказывал тех, кто не давал приюта. Да вообще у всех богов была такая причуда. Впрочем, не думаю, что здесь совсем уж дикий человек... Такое хозяйство!

Они медленно ехали вдоль изгороди, отыскивая вход, из-под крыльца выскочили два огромных пса и подняли оглушительный лай. Вскоре в дверном проеме показался мужчина в наброшенном на голову плаще, взгляделся, крикнул зычно:

– Вон там левее калитка!.. Не бойтесь, собаки на привязи.

Олег спрыгнул, открыл калитку, Томас въехал первым и, ухватив повод коня Олега, завел следом. Конюшня оказалась в самом деле конюшней, в полумраке он увидел блестящие глаза, услышал смачный хруст овса, дохнуло животным теплом крупных зверей. Олег ввел коней в свободные ясли, бросил овса, а когда вышел под дождь, Томас уже исчез в доме.

Как и понял по конюшне, предприимчивый хозяин перестроил свой дом под постоянный двор. Большая дорога проходит совсем близко, ее не видно из-за пелены дождя, а сам дом, если присмотреться, совсем не деревенский домишко: непривычно высокий фундамент из плотно подогнанных камней, стены из толстенных бревен, все это огорожено высоким частоколом, ворота из толстых досок, стрелой или дротиком не пробить, да еще и оббиты широкими полосами металла.

Двор просторный, теперь уже видно, что помимо конюшни здесь обязательные кузница, шорная, булочная, плотницкая и лавка со всякими мелочами, что могут пригодиться в пути. Олег на крыльце отряхнул воду с одежды, дверь распахнулась в небольшое, жарко натопленное помещение. Томас разговаривал с невысоким мужиком в фартуке, явно хозяином, брезгливо указывал на стол, где объедки плавают в пролитом супе, из-за столов на них поглядывали кто с любопытством, кто с интересом.

Олег подошел, почтительно поклонился Томасу, доложил, что кони устроены, как насчет пожрать. Томас если и заметил издевку, не подал виду, жестом велел идти за стол, с которого спешно счищали грязь, вытирали и чуть ли не скоблили столешницу. Сам он старался не таращиться, подобно простолюдину, по сторонам, однако в этом трапезном зале среди множества обедающих, ужинающих и просто пирующих обнаружил за одним из столов троих рыцарей, а еще дальше за небольшим приставным столиком расположился богато одетый сеньор с оруженосцем и слугой его цветов. Рыцари вообще-то редкость в этом насквозь рыцарском мире: не всякое поместье в состоянии дать такой доход, чтобы купить и боевого коня, который стоит примерно столько, сколько триста крестьянских лошадок, и крайне дорогие доспехи и вооружение – одни рыцарские доспехи включают около двухсот тщательно прилаженных деталей, и малейшее повреждение требует дорогостоящего ремонта у опытных оружейников. Так что встретить рыцаря на дороге – уже редкость, но когда в одной гостинице сходятся сразу несколько, это не простое совпадение.

Он со всей учтивостью поприветствовал всех, стараясь в коротком приветствии выказать и галантность, и чувство собственного достоинства. Рыцари отвечали кто как, но видно было, что все стараются в меру своего деревенского воспитания выглядеть изящными и с хорошими манерами.

Один со всевозможной учтивостью представился сэром Ольбрехтом из Найлэнда, попросил позволения пересечь за их стол. Томас встал и ответил в цветистых выражениях, что весьма и даже весьма, а также очень, на что любезный сэр Ольбрехт раскланялся и галантно опустился на лавку с той стороны стола, продолжая рассматривать сэра Томаса живыми смеющимися глазами, полными доброжелательства и сдержанного любопытства.

– И вы на турнир? – поинтересовался он. – Идут слухи, что приедет даже принц Уэльский, а также герцог Еллокс с братьями, а это уже что-то! Их всегда сопровождает огромный двор, в нем красивых женщин всегда больше, чем рыцарей...

Томас поинтересовался сдержанно:

– А что за турнир?

Сэр Ольбрехт приятно удивился.

– Вы даже не слышали? Из какого же медвежьего... простите, каких дальних владений добирались? Соперничество между родами Лангера и Армагака достигло такого накала, что они решили устроить турнир и сразиться там своими отборными отрядами. Король в ярости, церковь обещает участникам турнира геенну огненную, но честь, господа, честь!..

Томас кивал, все понятно, когда задета честь, в задницу короля со всей церковью, Господь именно честь вдунул в ком глины, тот потому только стал человеком.

– Нет, – сказал он с сожалением, – мы едем по весьма неотложным делам.

– А турнир? – воскликнул сэр Ольбрехт.

– Увы, – ответил Томас с искренним сожалением.

Он заметил, с каким интересом Олег присматривается и прислушивается, нахмурился, чувствуя себя жуком на блюде, за которым наблюдает мальчишка. Сэр Ольбрехт обвел рукой зал.

– Турнир! Все на турнир. Благородный сэр Лангер полон решимости доказать, что его рыцари гораздо лучше подготовлены и вооружены, чем у сэра Армагака, который дважды побеждал на турнирах в Зассексе.

Томас покосился на Олега, уже и рыцари говорят о торговых дорогах, как о чем-то очень важном. Подумать только, какая-то презренная торговля начинает влиять на облик страны!

– А что король Гаконд? – поинтересовался он осторожно. – Кроме того, что в ярости?

Сэр Ольбрехт рассмеялся.

– Издал жесточайший указ, запрещающий любые турниры по всему Эссексу.

Томас кивнул, это понятно, как понятно и то, что при вольностях сеньоров этим указом подотрут задницу. Олег прислушивался, спросил вежливо:

– Геенна – это так, угроза, а ничего конкретного?

Рыцарь посмотрел на него без интереса и даже с неудовольствием, как на всякого простолудина, будь даже высокого звания, что вмешивается в беседу лиц благородного сословия, ответил, обращаясь к Томасу:

– Церковь пообещала отлучать от церкви всех, кто участвует в турнирах. Дескать, нарушаются все заповеди, а также участвующие виновны во всех семи грехах, начиная с гордыни... Но сэр Лангер, как я уже сказал, полон решимости. Турнир на этот раз большой, даже грандиозный!.. Съедутся рыцари не только сэра Лангера и сэра Армагака, но и со всех графств. Ожидается приезд даже из других королевств, герцогств и баронств.

Томас кивал, соглашался, сам с покровительственным интересом посматривал как на сэра Ольбрехта, так и на рыцарей за общим столом. Они почти ничем не отличаются от простых воинов, за исключением рыцарских шпор, но, к счастью, для турнира не нужно ничего специального: ни коня, ни доспехов, ни оружия. Все то же самое, как в бою, так что участвовать могут все люди благородного звания, а при удаче каждый имеет шанс захватить богатую добычу и получить за нее хороший выкуп.

Жаркий сухой воздух постепенно высушил одежду прямо на теле. После сытного ужина Томас ощутил, как сильно клонит в сон, калика исчез, потом Томас увидел его договаривающимся с хозяином о ночлеге. Народу много, объяснял хозяин виновато, даже слишком, обычно здесь поспокойнее, свободных мест нигде и никаких, разве что в конюшне, все-таки не под открытым небом, Олег шепнул ему что-то мирно, хозяин как-то разом подобрел, велел слуге открыть особую комнатку, предназначенную для путешествующих особ королевской крови.

Глава 15

Рано утром Олег проснулся от неприятного вжиканья: благородный рыцарь сэр Томас, несмотря на всю длинную родословную из убитых, утопших и казненных по заведомо облыжных обвинениям, самолично острил мизерикордию, мерно проводя точильным камнем по лезвию. Лицо у него лучилось счастьем, как у ребенка, которому подарили любимую игрушку.

– Че те не спится? – проворчал Олег. – Это же какая красота – спать без задних ног!

– Всю жизнь проспипшь, – ответил Томас нравоучительно и, занятый делом, не заметил, как не по адресу прозвучало. – Любой день начинается с малой войны между желаньем поспать и побриться! И вообще нет ничего более неприятного, как проспать обед.

– До обеда, – проворчал Олег, – вроде бы далеко... Пойду взгляну.

– Как готовят обед?

– Да уж найду, – проворчал Олег загадочно, – на что...

Томас даже не проводил его взглядом, любовно проверял остроту лезвия, прищелкнул языком. Тонкий и острый клинок легко проникнет даже через самую узкую щель забрала, проткнет глаз противника, не пожелавшего просить пощады, и поразит мозг, после чего мизерикордию можно вытаскивать, вытереть и вложить в ножны, а над гордым рыцарем прочесть зауспокойную, чтобы душа без помех и проволочек – в христианский рай.

Олег проверил коней, проследил, чтобы воды добавили чистой, ключевой, а когда вышел из конюшни, во двор въехал целый отряд, состоящий из знатного рыцаря с его сопровождением: оруженосцем, слугами, лучником и копейщиком. Все на хороших конях, сам рыцарь гордо восседает на темном как ночь жеребце, алая мантия с серебристым мехом красиво падает с прямых плеч на конский круп, булатный панцирь на груди украшен замысловатым гербом, широкий пояс из крупных металлических пластин поддерживает меч и мизерикордию. Шлем везет ослепленный доверием румянощекий оруженосец, его конь тоже под цветной попоной, из-под которой выглядывает стальной пластинчатый панцирь, только уздечка и вся сбруя украшены серебром, а не золотом, как у господина.

Слуги поспешно соскакивали с коней, но рыцарь бросил поводья Олегу и велел:

– Кормить отборной пшеницей!.. Поить – только ключевой водой! Обманешь – запорю! Олег подержал поводья, вежливо передал подбежавшему слуге.

– Зачем так грубо? – спросил он вежливо. – Запорю... Здесь, как я догадываюсь, уже не ваши владения.

Рыцарь моментально побагровел, в руке его появилась плеть. Он занес ее над головой Олега, тот выждал момент, шагнул в сторону, перехватил и плеть, и руку. Рыцарь вылетел из седла с неожиданной легкостью. Послышался тяжелый удар о землю, заскрежетали доспехи. Рыцарь остался лежать на земле, раскинув руки.

Оруженосцы и копейщик бросились к наглецу, на ходу обнажая оружие. Олег с самым мирным видом вскинул руку.

– Тихо-тихо, ребята. Не своевольничайте. Дождитесь, что вам хозяин велит. А то за самоуправство вам же и влетит...

Они остановились, глядя то на него, то на неподвижного хозяина, а Олег улыбнулся им почти по-дружески и пошел в трапезную. Томас уже с аппетитом завтракал, Олег с порога заметил, что трапеза рыцаря ничем не отличается от еды простого народа, заполнившего таверну: большая чашка горячего супа, посреди стола перечница, которой Томас часто тряс над чашкой, затем перешел на легкую холодную закуску. Девушка быстро убрала пустую чашку, взамен перед Томасом появилось блюдо с горячей закуской, а затем пошло жаркое: баранья нога, бифштексы, каплун с гарниром из гречневой крупы, а на закуску принесли сдобные пироги и грушевый компот.

Неплохо, подумал Олег. Что значит, привык к походной жизни, когда не знаешь, будешь ли ужинать сегодня. А тут съешь полную чашку супа – ничего другое уже не лезет. Суп вообще должен подаваться в маленькой чашке. Лучше всего – на ужин. Но сейчас перебирать не приходится: лопай, что дают.

Он опустился на лавку, перед ним поставили такую же большую чашку супа, но Олег сперва взялся за холодное мясо, а суп к тому времени чуть остынет. Томас в нетерпении поглядывал в окно, там что-то многовато народу, явно прибыли еще гости, как бы их коней не сперли, хотя к их коням подойти убоятся...

– Как кони? – спросил он.

– Накормлены, – ответил Олег с набитым ртом.

– Копыта?

Олег отмахнулся.

– Даже не смотрел. Такие кони двести миль пройдут по горным дорогам, прежде чем хоть одна подкова начнет позвякивать. Ешь, пора ехать.

После компота из свежих ягод они выбрались из-за стола, Томас расплатился щедро, сообщил, что отбывают, всем довольны.

Во дворе народу в самом деле прибавилось, отдельной группкой стоят вчерашние рыцари. Едва Томас показался на крыльце, один отделился от остальных, отвесил Томасу вежливый поклон.

– Весьма сожалею, сэр, – сказал он тоном, полным раскаяния, – но пока вы изволили завтракать, здесь случилась неприятность.

Томас надменно вскинул брови.

– И что же? – поинтересовался он.

Рыцарь указал в сторону отдельной группки слуг, оруженосцев и ратников только что прибывшего рыцаря.

– Только что прибыл сэр Малькольм, – сказал он очень вежливо, – очень могущественный сеньор, исполненный доблести и мужества. Но ваш слуга... или не слуга, но он ваш человек, выдернул его из седла и... ударил о землю. К сожалению, сэр Малькольм сейчас не может подняться, у него переломаны кости, а трое кузнецов стараются извлечь его из погнутых доспехов. Он просил нас потребовать от его имени удовлетворения...

Томас бросил злой взгляд на Олега.

– Так, может, пусть он и требует у того, кто его так?

Рыцарь развел руками.

– Всем видно, это человек неблагородного звания, хотя одет в очень приличные одежды. Видимо, по недоразумению. Или украл где-то у весьма достойного человека. Потому отвечать надлежит вам как рыцарю и его покровителю. Я вижу, вы спешите, сэр, потому мы проведем поединок здесь же. И сейчас.

Он поклонился и отступил, а из группки рыцарей выступил вперед рослый и крепкий мужчина в прекрасных доспехах. Ему подали меч и щит, он осмотрел меч, взмахнул им и нанес перед собой прямой удар, способный расколоть стальной панцирь, тут же без передышки крутнул, как мельница крылья под сильным ветром, молниеносно перебросил в другую руку, тяжелый меч перепорхнул легко и послушно, снова завертел им, уже не столько приноравливаясь к новому оружию, сколько бахвалась умением.

Томас смотрел очень внимательно, всегда надо смотреть на тех, кто сильнее, а этот крутит мечом так, что стальное лезвие свистит то над землей, грозя перерубить обе ноги, то тут же рассекает воздух на уровне шеи. Среди рыцарей раздались восторженные крики, самый старший из них дважды приложил ладони одна к другой, что явно означало бурные аплодисменты, и сказал с поощряющей усмешкой:

– Великолепно! Просто великолепно.

– Монсеньор, – ответил рыцарь с усмешкой, – думаю, это умеют даже дети. Зато вот это...

Он вытащил из ножен на поясе длинный кинжал, больше похожий на короткий меч, все смотрят с ожиданием, и он начал сразу действовать мечом и кинжалом, очень быстро и настолько сложно, что сверкающая стена стали окружила его со всех сторон, даже двойная стена: кинжал рассекает каждого, кто сумеет пробраться ближе, а меч с легкостью убьет любого на расстоянии двух-трех шагов.

Зрители ахали, восторгались, Томас нахмурился, движения умельца запомнить можно и не стараться, учиться вот так рубить мечами начинают с пажей, оруженосцы уже умеют, а рыцари только оттачивают умение. Когда такой рыцарь перед боем облачается в доспехи, надевает шлем и опускает забрало, становится непобедимым. Во всяком случае, уложит десяток воинов, а то и не один десяток, прежде чем противники догадаются уступить место арбалетчикам.

«Правда, – мелькнула мысль, – в тяжелых рыцарских доспехах ты долго так вот не поработаешь мечом. И сейчас зря расхвастался. Я бывал в настоящих боях, а это не совсем то, что турнирные. Не знаю, может быть, в твоих землях принято сражаться полуголыми, эти приемы годятся больше для таких схваток, когда малейшее прикосновение лезвия оставляет глубокую рану на теле, но чтобы повредить доспехи, все-таки нужны прямые рубящие удары, причем – тяжелые, а не это мухачество».

– Назови свое имя, – потребовал Томас.

– Сэр Теодор, – ответил рыцарь надменно, – владелец земель Астингса и Неерля, барон Высоких Холмов и виконт Желтой Реки.

– Сэр Томас Мальтон из Гисленда, – назвался Томас четко. – Господи, прими душу этого рыцаря с миром, ибо я зол и могу не удержать карающую руку... Аминь.

Он опустил забрало, взял меч и щит, сделал шаг вперед. Сэр Теодор тоже опустил забрало, через узкую щель полыхают лютой злобой глаза. Ростом он чуть ниже, зато с длинными руками и бочкообразным туловищем на коротких толстых ногах, такие всегда устойчивы в бою, их почти невозможно сбить на землю. И меч длиннее, и щит шире, хотя двигает им с такой легкостью, словно это щепочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.